

РОМАН ТИТОВ

**РЕМЕСЛО
ТЕНЕЙ**

Игла Дживана

16+

Роман Титов

Ремесло Теней. Игла Дживана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35484993

SelfPub; 2022

Аннотация

Эта история начинается с появления старика, обещавшего юному Сету Эпине головокружительные приключения. Сету бы знать, что в Галактике лжи за все приходится платить. Станут ли его необычные способности достаточной разменной монетой для того, чтоб обрести абсолютную свободу или придется отдать свою жизнь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	41
Глава 4	60
Глава 5	81
Глава 6	97
Глава 7	120
Глава 8	144
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Роман Титов

Ремесло Теней.

Игла Дживана

Глава 1

Воплощение Теней

Я никогда не любил эту планету.

Скажу больше, я ее искренне ненавидел. И каждый день, сколько помню себя, мечтал о том, чтобы оставить скованный льдом и задушенный метелями мир позади. Забыть темно-фиолетовое небо и никогда больше не видеть сверкающие кристаллические пики, пронзавшие тяжелые снеговые облака.

Яртелла.

Одно название навевало сплин.

Яртелла. Синоним смерти от лютого холода. Второе имя ужаса, что притаился в мрачных тенях. Последнее пристанище для лейров. Дом Адис Лейр. И моя персональная тюрьма.

Ветер со скорбным воем зачерпывал пригоршни снега с посадочной площадки и сбрасывал их за край. Он запро-

сто мог бы сбросить и меня, вот только Тени, что неизменно струились мимо, подобно невидимой реке, не позволяли этого сделать. Целиком покорные моей воле, они вынуждали воздушные потоки огибать мое тело, не задевая даже краешка защитной оплетки.

Время ползло медленно, как снежные слизни, что проедали норы в гигантских кристаллах, но я не двигался с места. Пальцы на ногах, казалось, промерзли насквозь. Вместе с пятками, лодыжками и голеньями, которые надлежало защищать термостойким сапогам. Рукам в перчатках тоже доставалось. Но их я хотя бы мог сжимать и разжимать, разгоняя кровь по венам. А вот побегать по площадке было нельзя – одно неверное движение и даже Тени не помогли бы пережить падение в километровую пропасть.

Я оглянулся через плечо. Металлическая створка, что вела внутрь Цитадели, оставалась закрыта. Где же их всех носит?! Поднял взгляд выше – на темную громаду главной башни. Возвышавшаяся над площадкой мрачным монолитом, она напоминала скрюченный артритом указательный палец – еще одно из зловещих предупреждений о грядущих переменях.

В течение долгих двадцати лет Цитадель была единственным местом, которое я называл домом, а ее обитателей – семьей. Я все еще помнил момент, когда осознал, что не смогу быть частью целого, и день, когда моя настоящая семья разбилась вдребезги.

День, когда пропала мама.

Десять лет прошло, как она исчезла, а я до сих пор винил себя за то, что позволил ей улететь. И, хоть, умом понимал, что у десятилетнего мальчишки едва ли были шансы остановить одержимую идеей познания новых тайн исследовательницу, меня ни на секунду не отпускало ощущение, что все произошло как-то неправильно.

Я помнил то ненавязчивое прикосновение ее мыслей к моему детскому разуму, ту почти робкую попытку на языке чувств, а не слов, объяснить свою любовь. И мой ответ, одинокого брошенного ребенка, по силе ярости сопоставимый с солнечным протуберанцем. Мне было десять, но говорил я так, словно внутри метался демон. Я проорал ей в лицо несколько гнусностей, а потом – хуже и придумать нельзя, – замахнулся на нее.

Глаза защипало от слез. Несколько раз моргнув, я заставил их скатиться по щекам прозрачными кристалликами. Сделав глубокий вдох, повернулся обратно лицом к пустыне и постарался остановить поток безрадостных и бесполезных мыслей, будивших никому уже ненужные угрызения совести.

Я ощущал, как клубятся Тени вокруг, такие же невидимые и неосязаемые, как океан темной материи, заполняющий космос. Только их убаюкивающий шепот заставлял мой разум по-настоящему успокоиться.

Вдруг холодное, как пустота космоса, предчувствие коль-

нуло в спину невидимой иголкой.

Резко развернувшись, я увидел невысокую сгорбленную фигурку, не спеша шагавшую в мою сторону, и сразу же подобрался.

Казалось, Бавкида взялась из ниоткуда.

Укутанная в меховую мантию с глубоким капюшоном, она напоминала черную дыру, искажавшую пространство всюду, где бы ни появлялась. Временами чудилось, будто даже свет ее избегает, словно само присутствие наставницы всех лейров заставляло фотоны испытывать страх и обращало их в бегство.

Мысленно отругав себя за то, что не заметил ее появления, я отвесил обязательный полупоклон и снова отвернулся к опостылевшей панораме.

Старуха, между тем встав со мной рядом, проговорила:

– Я думала, ты еще собираешь вещи, Сети. – Ее тихий голос походил на шелест старой мантии – столь же неуловимый, но раздражающий.

– Давно уже, – буркнул я, небрежно пнув валявшийся в ногах рюкзак.

– Ах, вот как. – Бавкида коротко и сухо рассмеялась.

Краем глаза я заметил, что старуха подняла скрытое в тени капюшона лицо к небесам. Бледный, острый и похожий на кобальтовый осколок, подбородок зашевелился:

– Неужели опаздывает? На него это не похоже.

– Вы так хорошо его знаете? – не удержался я.

Взглядом меня не удостоили, зато позволили увидеть, как растянулись в подобии улыбки тонкие старческие губы.

– Естественно. Я знаю каждого лейра, нога которого когда-либо ступала на эту планету. Кое-кого, пожалуй, даже лучше, чем они сами себя. Батул Аверре совсем не исключение, как бы ему ни хотелось думать иначе. А вот тебе было бы не лишним разузнать о нем прежде, чем отправляться в путешествие.

Я проглотил упрек, но глаза по привычке закатил. Бавкида, к счастью, этого не заметила.

– Один из лучших моих учеников. Ни до, ни после я не встречала более одаренного алита, чем он.

В ее голосе слышалось нечто настолько приторно-ностальгическое, что у меня едва челюсть не отвисла. Разумники, вроде Бавкиды, просто чужды сентиментальности.

Впрочем, все встало на свои места, как только она добавила:

– Он так жаждал знаний, стремился как можно глубже постичь суть Теней. Ничего удивительного, что теперь его интересует только власть.

Я молчал. Еще никогда и никому из алитов ни она, ни кто-либо другой из мастеров Цитадели, не открывали причин, побудивших самого выдающегося из адептов Адис Лейр покинуть Орден в расцвете собственной славы. Среди алитов на этот счет гуляло множество теорий, но ни одна, как казалось, не была близка к истине настолько, чтобы объяснить

причины такого поступка. Не раз намекалось, будто Аверре просто-напросто перегорел, не совладав с собственными амбициями. В каком-то смысле, я даже готов был с этим согласиться, но интуиция продолжала твердить, будто здесь крылось что-то еще, причем куда более личное, чем обычно свойственно лейбрам.

– Запомни, Сети, – сказала старуха. – Для меня вовсе не новость, что ты стремишься убежать от нас, словно Орден – твоя личная тюрьма. Но будь осторожен с желаниями. Не попадись на батуловскую удочку. Пусть то, что он когда-то был одним из нас, не введет тебя в заблуждение насчет его намерений. Такие личности никогда не говорят всей правды.

Повернув голову к наставнице, я слегка раздраженно поинтересовался:

– Не потому ли вы и выбрали меня для этой задачи?

Из-под капюшона раздался сиплый смешок:

– Не будь таким самоуверенным, Сети. Даже элийра можно обмануть, а Батул в этом деле признанный мастер.

Спорить с Бавкидой всегда было себе дороже, однако сомневаться в собственных умениях у меня причин не находилось.

– А это мы еще посмотрим.

С небес, перекрывая затяжной вой ветра, раздался гул двигателей, а секунду спустя, прорвав густой облачный покров, появился небольшой, похожий на острие кинжала, кораблик. Гладкий и блестящий, словно облитый черным ме-

таллом, он снижался над поверхностью, двигаясь плавно и по спирали. Описав круг над башней, и дав нам с Бавкидой время освободить ему место, звездолет легко, словно перышко, опустился на площадку и выдвинул длинный язык трапа.

Стараясь скрыть напряжение, я сцепил ладони за спиной и затаил дыхание.

– Выдохни, Сети, – насмешливо подсказала Бавкида и заглянула в проем корабельного люка, где тотчас же появилась высокая и широкоплечая фигура.

До сих пор мне не доводилось видеть главного героя большинства невероятных историй вживую – только на изображениях голограмм, – и я был приятно удивлен, обнаружив, что реальность им ничуть не уступает. Батул Аверре, несмотря на то, что разменял уже шестой десяток, обладал подтянутой спортивной фигурой и светлым лицом. Строгие одежды и гордый, аристократический профиль выдавали в нем разумника, знавшего себе цену. Мороз и ветер его, казалось, ничуть не беспокоили, а взгляд черных глаз из-под кустистых белых бровей, остротой напоминал кинжалы. Весь вид легендарного лейра так и дышал властностью и силой.

Поравнявшись с Бавкидой, он отвесил ей вежливый поклон, при этом его щегольски уложенная седая челка упала на высокий лоб. Очаровательно улыбнулся и произнес глубоким баритоном:

– Госпожа Бавкида, как приятно, что вы встречаете меня лично.

Я чуть повернул голову в бок, чтобы увидеть, с каким пренебрежением искривились губы старухи.

– Мне будет приятно, когда ты изволишь обратиться отсюда, Батул, – сказала она. – И чем скорей это произойдет, тем приятней станет.

– Так вы не рады? – удивление в голосе Аверре было таким же неискренним, как и его скорбная гримаса. – Я разочарован. Признаться, я рассчитывал, что вы будете несколько дружелюбней, учитывая историю наших прошлых взаимоотношений.

– Большого твое предательство, увы, не заслуживает.

– Вот как? – он отшатнулся, как от пощечины, но скулы его дрожали, еле сдерживая улыбку. – А мне казалось, что после всего, что я сделал для Адис Лейр, для всех лейров и для вас в частности, моя госпожа, я заслуживаю более теплого приема. Насколько я знаю, кое-кто в этих стенах до сих пор считает меня легендой.

– Ты ошибаешься, – отрезала старуха. – Когда-то ты и впрямь вызывал восхищение у тех, кто только начинал идти по пути лейра, но все меняется.

Они стояли, разглядывая друг друга в упор, и, казалось, даже не замечали моего присутствия. Чему я сам, признаюсь, был весьма рад, поскольку получил возможность убедиться в подозрениях лично. Слухи по поводу ухода Аверре ходили разные, но истины в них было не больше, чем в детских сказках. Одно время интерес к этому вопросу зани-

мал меня довольно сильно, но из-за недостатка информации, приблизиться к правде оказалось делом весьма неблагодарным. Лишь кое-кто из наставников был посвящен в эту тайну, однако потраченные на них усилия не окупились – слишком тщательно оберегали они свои мысли от проникновения извне.

Тут Аверре, точно опомнился, быстро перевел живой взгляд на меня.

– А вы, молодой человек, что по этому поводу скажете?

На миг я растерялся, как, видно, и Бавкида, которая уставилась на меня так, словно перед ней предстал снеговик. Замяшкавшись с ответом, я кое-как проговорил:

– Я... рад знакомству.

Бавкида фыркнула. Аверре, запрокинув голову, громко рассмеялся.

– Вот видите? – обратился он к старухе. – Я же говорил, что ваше личное отношение ко мне слишком предвзято. – А потом протянул мне руку: – Я тоже, юноша. Я тоже.

Пожимая крупную, но очень ухоженную ладонь, я чувствовал, как краска смущения заливает лицо.

– Надеюсь, вы и впрямь так талантливы, как обещал Навигатор, – сказал Аверре, после того, как рукопожатие распалось.

– Можно на «ты», – выдавил из себя я.

– Как твое имя? – спросил он.

– Сет Эпине.

На миг показалось, что в его взгляде проскользнуло что-то странное, что-то похожее на смесь удивления и испуга, но зацепиться за это ментально не получилось – он слишком быстро овладел собой. Такая реакция не могла не насторожить, но прежде, чем я успел задать прямой вопрос, Аверре обратился к Бавкиде:

– Родственник Сол?

Отчего-то заметно повеселев, старуха ответила:

– Ее единственный сын.

– Но... как это? – Аверре одарил меня непонимающим взглядом. – Лейры же не способны!..

– Так ты забыл, кем была его мать? – усмехнулась Бавкида. – Уж кому-кому, а тебе следовало помнить, что перед Сол не существовало никаких преград.

– Но она ни словом не обмолвилась... – проговорил Аверре и снова уставился на меня. – Сколько тебе лет?

– Двадцать, – ответил я, чувствуя, как на месте робкого восхищения легендой вырастает новая и совершенно твердо обосновавшаяся неприязнь к будущему наставнику. Никогда не любил разговоры о маме, но в особенности тех, кто эти разговоры затевал.

Стало быть, они были знакомы...

– Расслабься, Батул, он не твой ребенок, – посоветовала Бавкида. – Не могу представить себе причин, из-за которых Сол решила скрыть от тебя существование Сета. Но это, полагаю, даже к лучшему. Тем приятней будет ваше сотрудни-

чество, верно?

«Ну, это как сказать», – решил я, встретив выражение схожего сомнения на лице мастера вмиг охладевшим взглядом. Зато сразу стал понятен принцип, по которому из числа более опытных алитов и претендентов на звание элийра, выбор Бавкиды пал именно на меня.

– Очень умно, – наконец высказался Аверре. – Мне следует отдать должное и вашему чувству юмора, госпожа. Никому другому такое, пожалуй, и в голову бы не пришло.

– О, ты мне льстишь, дрогой Батул, – притворившись смущенной, откликнулась старуха. – Твои прошлые «подвиги» оставили слишком глубокий след в моей памяти, и потому я просто не смогла бы позволить тебе забрать у меня кого-то другого. Но Сет совсем другое дело. Ему я, видишь ли, *доверяю*.

Приторная ухмылка на лице Аверре сделалась кислой:

– Что ж, очень мило с вашей стороны, мадам. Однако не забывайте, что некогда вы точно так же *доверяли* и мне.

Напряжение, разлившееся в этот момент по площадке, казалось, заставило утихнуть ветер, окружив нас подобием немого купола, созданного волей мастера. Они с Бавкидой не сводили друг с друга взглядов, и в это короткое мгновение мне представлялось, как между ними проскакивают электрические искры разрядов.

– Не переживай, Батул, – мрачно отозвалась Бавкида. – Я достаточно мудра, чтобы учиться на чужих ошибках. А

ты? – Она вытянула руку и тут же прямо из воздуха выхватила нечто, похожее на блестящую бронзовую монету. Что это и откуда взялось, я не понимал, а старая лейра повертела штучку между пальцев, после чего помаячила ею перед лицом Аверре: – Знакомая вещичка?

Тот побледнел, став похожим на пролетающий мимо снег.

Не понимая, что это означает, я присмотрелся и увидел, что монета, в центре которой были проделаны два одинаково узких отверстия, оказалась перепачкана чем-то на вид очень сильно напоминавшем кровь. Человеческую.

Аверре хранил молчание. То ли из-за шока, то ли потому что не мог подобрать слова.

Тогда Бавкида, совершив еще парочку замысловатых жестов, заставила осыпаться один из снежных валунов, что намело у края площадки, прямо к своим ногам. Под ледяной толщей оказался труп. Женский. И облаченный в расписанный странным рисунком комбинезон. От длительного пребывания на холоде тело заледенело и приобрело отчетливый темно-синий оттенок. Присмотревшись внимательней, я понял, что лицо несчастной оказалось покрыто точно таким же рисунком, как и ее одежда – небольшими насечками, пугающе похожими на ребро сжимаемой Бавкидой «монеты».

Вот тут холод, какого не могла создать даже изобретательная атмосфера Яртеллы, пробрался в мои внутренности, превратив их в сплошной комок льда.

Не собираясь скрывать отвращения, я уставился на на-

ставницу и, забыв о всякой вежливости, выдал:

– Откуда это здесь?

Отвечать, однако, Бавкида не спешила. Она продолжала играть в «гляделки» с Аверре, затем, подняв раскрытую ладонь, заставила мертвое тело подняться в воздух и застыть там, словно на невидимых веревках, прямо перед начавшим приходить в себя мастером.

– Узнаешь подружку, а, Батул? – Старуха не поскупилась на желчь. – Я хоть и рассчитывала, что ты, пускай лишь ради приличия, будешь вести честную игру, все-таки глядела в оба. И – смотри-ка! – не проглядела. Тебе ведь не впервой терять кого-то, да?

– Зря вы это затеяли, госпожа, – прошептал он, не сводя взгляда с обезображенного лица мертвой женщины.

– О, нет, дорогой мой. Это ты зря решил, будто своими детскими играми сумеешь провести меня. Я не Навигатор и из ума пока не выжила. А это будет превосходной демонстрацией моей серьезности. – Старуха подступила к нему на шаг: – Не играй со мной, Батул. – И отпустила труп.

Словно набитое кристаллами мешок, тело женщины ударилось о площадку с тошнотворным хрустом, а секунду спустя сверху упала и «монета», оказавшаяся оторванной пуговицей защитного комбинезона. Я успел заметить, что в тот миг, когда раздался хруст, самого Аверре пробил дрожь.

– А теперь, – сказала Бавкида, вновь отступив, – забирай мальчишку и убирайся отсюда. И запомни: в следующий раз

я ждать не стану, а найду тебя сама.

Спрятав крючковатые пальцы в широких рукавах мантии, она повернулась ко мне со словами:

– Теперь он твой наставник, Сети. Не разочаруй доверия, оказанного тебе Навигатором, и помни, кому ты на самом деле служишь.

Не в силах раскрыть рот и оторвать взгляд от мертвой разумницы, я лишь отрывисто кивнул.

Бавкида развернулась и неторопливо зашаркала в сторону входа.

Пока она не скрылась за высокими двустворчатыми дверями, я оставался, будто в оцепенении и даже глаз не мог поднять на Аверре, по-прежнему как молчаливая скала возвышавшегося рядом. Тогда-то мне стало действительно не по себе.

Казалось, что я должен что-то сказать, но разум упорно не мог подобрать подходящие слова, а язык, будто присох к небу. Все мысли из головы точно выветрились, оставив после себя эхо гуляющего в пустоте ветра. Я дрожал, но все не от холода, и сердце колотилось о ребра в бешеном темпе. Поступок Бавкиды потряс до глубины, и я не понимал, к каким отношениям между мной и новым наставником это теперь приведет. Всего несколько минут назад я думал о путешествии, как о банальном приключении, которого всю жизнь требовала моя душа. Чудесное, иначе и не скажешь, появление Батула Аверре в моей жизни должно было корен-

ным образом перевернуть ее до самого основания, а теперь я уже был полон сомнений относительно того, хочу ли лететь с ним.

Подняв глаза на мастера, я неожиданно встретился с тяжелым взглядом.

– Ты готов? – спросил он.

Честней было ответить нет, но я опять-таки не смог выдать из себя и звука и потому лишь кивнул.

– Тогда поднимайся на борт. Здесь тебе больше делать нечего.

Я собирался спросить, как он поступит с телом, но прежде чем сумел заговорить, Аверре сделал небрежное движение рукой, как будто сметал пыль с воздуха.

Невидимая, но вполне известная мне сила подхватила труп и, словно это был мусор, перебросила через край площадки.

– Поторопись, – сказал он, сжав в ладони окровавленную пуговицу, развернулся и быстро поднялся на борт корабля.

Снедаемый противоречивыми чувствами, я в последний раз окинул взглядом Цитадель.

Вернусь ли когда-нибудь обратно?

Попробовал прислушаться к себе, но внутренний голос был молчалив как никогда.

Я понял, что ответ был дан уже давно: даже если мне доведется ступить на заснеженную поверхность Яртеллы, я уже не буду прежним. И то, что сделала Бавкида, было лишним

тому доказательством. Жизнь не стоит на месте и как Тени, вечно пребывающие в движении, она изменяется, меняя и нас самих.

Подхватив рюкзак и шагнув к трапу, я пересек черту, отделяющую прошлое от будущего. Оставался только долг, все еще привязывающий меня к Адис Лейр, но и это небольшая плата за то, чтобы избавиться от вечных условностей и правил Ордена, сковывавших по рукам и ногам.

Теперь они не имели ко мне отношения. Теперь я сам за себя.

Глава 2

Об истории и легендах

Первое, на что я обратил внимание, оказавшись на борту, это отсутствие всякого намека на внешний лоск. Внутренние помещения корабля роскошью не поражали, хотя от Аверре ожидать чего-то подобного казалось вполне естественным. Но нет, все выглядело до минимализма сдержано и несло исключительно практическую ценность.

Когда я прошел в округлую рубку, залитую мрачноватым алым светом, Аверре уже проводил предстартовую подготовку.

– Сядь и пристегнись, – коротко приказал он, не отрывая взгляда от переливавшейся разноцветными огнями панели.

Быстро заняв кресло второго пилота, я, за неимением более полезного занятия, принялся наблюдать за действиями наставника, время от времени бросая короткие взгляды за иллюминатор. Казалось, планета не желала меня отпускать. Метель, завязавшаяся еще до прилета Аверре, переросла в настоящий буран. Колючий снег бился о стекло, а ветер грозил сбросить суденышко в площадки. Почти всю жизнь я провел в Цитадели, не считая коротких вылазок к кристаллическим ущельям, которые полагалось совершать алитам

во время обучения. Но на этом всякое знакомство с окружающим миром заканчивалось. А мне хотелось большего. Не только посмотреть, как ведут себя снежные китхи в естественной среде, но и увидеть саму Яртеллу из космоса!

Аверре нажал рычаг стартера и корабль, увлекаемый антигравитами, медленно оторвался от площадки, плавно поднимаясь ввысь. Спонтанный приступ ностальгии сдавил мое сердце ледяным кулаком.

– Осмотришь напоследок, – флегматично посоветовал наставник. – Может статься, больше ты сюда не вернешься.

Вот уж о чем я жалеть бы точно не стал, но вслух ограничился только:

– Невелика потеря.

Аверре заставил звездолет прибавить скорости. Через несколько минут, показавшихся мне мгновениями, мы оказались на орбите. Саму планету отсюда было невидно, но и без того открывшийся на бескрайние и усыпанные звездами космические просторы вид кружил голову.

– Готов к сверхсветовым скоростям? – будничным тоном поинтересовался наставник.

Кое-как проглотив застрявший в горле ком, я осторожно выдавил:

– Более-менее.

– Тогда вперед!

И корабль тут же растворился в полупрозрачном мерцании гиперпространственного искажения. Это было доста-

точно неожиданно, чтобы заставить меня вжаться в спинку кресла, но и захватывающе. Мрачная темная туманность, непрерывно искажающаяся мириадами световых бликов, похожих на преломляющиеся лучики света в мутной воде, со всех сторон обволакивала звездолет. Какое бы описание я ни находил в архивах Цитадели, оно всегда представлялось божественно великолепным, но, как это часто бывает, в реальности страшно действовало на нервы. И, как выяснилось, желудок.

– Кто была та женщина? – спросил я, нарочно отвернувшись от иллюминатора, чтобы не пришлось бежать за пакетом. Взгляд уткнулся на приборную панель с множеством разнообразных дисплеев и лампочек, датчиков и рычагов, от голографических до сенсорных. Все они светились, мерцали и помигивали, правда, ни к чему притрагиваться я не решился и просто ждал, пока наставник снизойдет до ответа.

Но и то, прежде чем сказать хоть слово, он долго всматривался в мое лицо, словно решая, достоин ли я знать правду или нет.

– Можешь считать ее моей ученицей, – наконец ответил мастер-лейр.

Пришел мой черед сверлить Аверре пристальным взглядом. Не то, чтобы я старался забраться вглубь его разума. Это вышло, скорее, инстинктивно. Элийрам трудно удержаться от соблазна и не прощупать ментальный фон, окружавший любого мыслящего разумника. Тени лгать не уме-

ют. Но и на распахнутые настежь ворота чужого разума я не рассчитывал.

– Если любопытство покоя не дает, просто спроси, – усмехнулся наставник в усы.

Это дало понять, что моя попытка считать его мысли незамеченной не осталась. Логично. Чего еще ждать от легендарного лейра? Тем не менее, меня это не смутило. Заглянув в его глаза, я прямо сказал:

– Мне не показалось, будто она много для вас значила.

Кажется, наблюдение его всерьез удивило:

– А с каких это пор малолетки, вроде тебя, считаются знаатоками столь тонких материй?

Упрек был высказан по заслугам, но по привычке смолчать я не сумел:

– Может, с тех самых, как получают тунику элийра?

Его серебряная бровь легонько приподнялась:

– А ты разве элийр?

Я скопировал его собственную ухмылку. Пускай усов я не носил, но все равно должно было получиться неплохо.

Аверре нахмурился. С чего бы это? Разве Бавкида его не предупредила? Но вслух я спросил не об этом.

– Она была одной из нас?

Наставник отрицательно качнул головой. Взгляд, устремленный на бесконечные переливы гиперпространственных волн, затуманился.

– Она не была Адис Лейр, если ты об этом.

– Тогда откуда ее способности? – Мне казалось само собой разумеющимся, что только у лейра есть шансы проникнуть в Цитадель незамеченным. Попытка любого простого разумника заранее обречена на провал. Системы наблюдения вычислят его еще в тот миг, когда корабль только соберется приземлиться на Яртелле, а лейры-стражи выбьют всю дурь и отправят восвояси.

– В галактике найдутся существа, чьи таланты и умения легко одурачат любого лейра, и не для всех из них Тени являются смыслом жизни.

Это ничего не объясняло. Я прекрасно знал, что Вселенная полна тайн, неподвластных разумению. Но даже глубочайшие из них едва ли могли сравниться с тем, что мы, лейры, называли Тенями. Они считались неотъемлемой частью сущего и, в то же время, ни на что не были похожи. Первые лейры, появившиеся на заре космических цивилизаций, описывали их, как крайне сложные искривления пространства и времени, составлявшие бытие. Их называли энергией, разлитой в пространстве. Кровью, что бежала по венам Вселенной. Но это все более чем упрощенное определение. Тени – неиссякаемый источник, из которого лейры черпали свои силы. Они давали нам власть над разумом и материей. Превращали наши тела в смертоносные орудия и позволяли изменять окружающий мир по своему усмотрению. Естественно, за такое могущество требовалась плата. Все алиты, что претендовали на звание лейра, обязаны были пройти обряд

инициации, с помощью которого раскрывался их полный потенциал. Для этого будущим Адис Лейр приходилось доводить себя до клинической смерти и перерождаться в обновленном облике. Мне в этом смысле, можно сказать, повезло, поскольку из-за необычности своего появления на свет, я ощущал потоки Теней с рождения.

Потому и с большим трудом представлял, как именно ученица Аверре сумела подобраться к Цитадели под самым носом Бавкиды.

– Не ломай голову, Сет. Тебя это все равно не касается. Что бы ни произошло между мной и старухой, значения оно уже не имеет. С самого начала это была неуклюжая попытка проверить, насколько глубоко Бавкида впала в маразм. И я с прискорбием вынужден признать, что идея оказалась далеко не самой удачной. Впрочем, судя по тому, что я имею на руках сейчас, это даже к лучшему.

Я покосился на наставника. Жертвовать чужими жизнями, ради достижения собственных целей, для лейров было в порядке вещей. Беспokoило то, как такая привычка аукнется для меня в будущем.

– Бавкида сказала, вы знали маму? – спросил я.

Аверре заметно напрягся. Даже побелели костяшки сжавшихся в кулаки рук.

– Знал, – процедил он сквозь зубы. – Но это не та тема, что мне хотелось бы обсуждать. И чтоб ты знал, я не очень-то жалую почемучек. Так что, если и дальше планируешь за-

сыпать меня вопросами, будь готов однажды оказаться в распахнутом шлюзе «Шепота».

Я не знал, насколько шутливой была угроза, но на всякий случай решил пока опасную тему не затрагивать. Вопрос с исчезновением мамы меня никогда не перестанет терзать, но время на то, чтобы как следует разобраться в нем, еще найдется. Аверре не отвязаться от меня, сколько бы ни бесился.

– Куда мы направляемся? – решил сменить тему я.

Вместо ответа Аверре спросил:

– Что ты знаешь о Бойджии?

Я для проформы удивился. Название мне было незнакомым. Да и не мудрено: в Галактике столько планет и орбитальных поселений, что запомнить их все не смог бы и самый опытный космограф. О чем я и сказал.

Аверре кивнул, будто ничего другого от протеже Бавкиды и не ожидал.

– А как насчет Шуота? Ассоциации имеются?

Тут уж я презрительно скривился. Это название на слуху у любого лейра, независимо от ранга или опыта, и не знать о нем, считается настоящим позором.

– Мертвый мир, сокрытый глубоко в Ядре, – процитировал я архивные записи. – Древняя планета, на орбите которой по легенде завершилась Война лейров.

Аверре снова кивнул.

– Сможешь припомнить легенду?

– Зачем? – опешил я. – Разве нельзя просто сказать, куда

мы летим?

Мастер сурово поджал губы. Похоже, он ожидал большей сговорчивости.

– Важно, чтобы ты понял цель нашего с тобой предприятия, а не услышал ее из моих уст, – объяснил он. – Мне не нужна послушная марионетка, способная только выполнять приказы. Будь это так, я бы не обратился к Навигатору. Пусть нам толком не удалось познакомиться, но пока что ты производишь впечатление парня, который широко мыслит. Ты же *элийр*, в конце концов, а это даже полезней. Так докажи, что способен думать – расскажи все, что знаешь о Войне лейров и о легенде, связанной с битвой за Шуот. Я жду.

Первая настоящая тирада за все время нашего знакомства, произвела на меня должное впечатление. Без лишней скромности, скажу, я всегда знал себе цену. И все же услышать даже столь своеобразную похвалу от лейра уровня Аверре немалое достижение. Что ж, можно кое-что и припомнить.

То была война, начавшаяся чуть менее полутора тысяч лет назад, когда лейры не были заперты в границах одной звездной системы, а рассеялись по Галактике, образовав более сотни Орденов. То были времена их расцвета. Не было тогда в изведанной части космоса тех, кто не слышал о них. Могущество Орденов росло, а вместе с ним росли и амбиции адептов. Вполне естественно, что это привело к одной из самых разрушительных войн в галактической истории. Дли-

лась она всего три года, и за это время дотла сгорело несколько планет, уничтоженными оказались несколько цивилизаций, а в финале истребили практически всех лейров. Их в буквальном смысле стерли в порошок в последней битве при Шуоте. И кто же? Простой генерал-нормал¹ по имени Кхамейр Занди.

Кто он и откуда, об этом история умалчивала. Зато легенда гласила, что Занди был величайшим полководцем, какого только знала Галактика. Он не обладал какими-то выдающимися навыками, кроме тех, что помогли ему одержать несколько блестящих побед против флотилии лейров. Однако вовсе не это сделало его легендарным.

История не может подтвердить или опровергнуть наличие на руках генерала некоего артефакта, а вот легенда об этом упоминала.

Игла Дживана, как утверждалось, была ниспослана ему свыше, дабы положить конец тирании лейров.

Что это за Игла и кем она была ниспослана, увы, не уточнялось. Единственно, что говорилось: Игла по каким-то неизвестным метафизическим причинам крайне негативно воздействовала на лейров, заставляя их... саморазрушаться. С тех самых пор среди нормалов Занди считался непоколебимо легендарной личностью и героем, а все лейры – не более чем кошмаром минувших дней.

Немаловажен и тот факт, что об Адис Лейр ни один ис-

¹ Нормал – принятое в Ордене общее обозначение всех не-лейров.

точник не упоминал. Как удалось сохранить свое существование единственному Ордену из сотни, так же оставалось загадкой, покрытой мраком веков. Даже для тех, кто в числе этого Ордена состоял. Хотя я мог бы предположить, что Навигатору или Бавкиде, истина известна доподлинно, но едва ли они когда-нибудь откроют правду. И что-то мне подсказывало, что истинная причина крылась точно не в непревзойденном могуществе адептов Адис Лейр. Такими вещами, как правило, восхищаются, а не замалчивают, подобно позору.

– Что ж, совсем неплохо, – высказался Аверре, когда я замолчал. – По-твоему легенда лжет?

Вот тебе и вопросец. Ну, разве можно на него ответить правильно?

– Понятия не имею, – пожал плечами я. – На то она и легенда, разве нет? Многим нравится верить во что-то сверхъестественное.

Он вдруг уставился на меня как на неполноценного.

– А разве существование таких, как ты и я, не сверхъестественно само по себе?

– Возможно, – уклончиво согласился я. – Но наше существование – факт, а Игла – всего лишь сказка.

Аверре, давно уже позволивший корабельному ИскИну самом корректировать курс в гипере, откинулся на ложемент.

– Не бывает дыма, без огня, мой юный друг. Самые ту-

манные и самые невероятные легенды, как правило, основываются на фактах.

– Только очень сильно приукрашенных, – сдержанно заметил я. – Мы, вообще, с вами, о чем говорим? Вы сравниваете лейров, чьи корни проходят сквозь тысячелетия и берут начало в исторических манускриптах Паракса, и штучку, выдуманную нормалами лишь затем, чтобы придать мифу большую загадочность.

Но к моему удивлению, мастер кивнул:

– В чем-то ты прав, конечно. Разница между мифом и историческим фактом колоссальна. Взять хотя бы слепую веру лейров в собственную неуязвимость. Выдумку от реальности отличает знание. Если знания имеются, то и миф уже не будет считаться сказочкой.

С этим трудно было не согласиться, так что я промолчал, но кое-какие выводы для себя все же сделал: Батул Аверре, в прошлом гордость и легенда Адис Лейр, имел к своим братьям стойкие, но неясные претензии. Вообще, этот разумник вызывал неоднозначные чувства. Его можно было уважать как ученого и искателя, но пониманию он абсолютно не поддавался. В отличие от большинства обитателей Цитадели, мастер Аверре представлялся загадкой большей, чем происхождение Вселенной.

– Ладно, будь по-вашему, – буркнул я. – Какое отношение имеет Бойджия ко всей этой легенде?

Аверре повернул голову и одарил меня, пожалуй, самой

загадочной из своего набора улыбок на все случаи жизни:

– Я давно уже занимаюсь тайной Иглы, собираю информацию по крупицам. Я побывал на множестве планет, и только одна из них заслужила мое наиболее пристальное внимание. – Он кивнул: – И это именно Бойджия. В официальных источниках этого не найдешь, но мне стало доподлинно известно, что после войны, генерал Занди поселился там и, даже, основал собственное графство.

– И вы надеетесь, что мы сможем отыскать там подсказки, где может быть спрятана эта самая Игла?

– Ну, кое-что мне уже удалось найти. Это было около десяти лет назад. Потом, правда, пришлось прервать свои поиски из-за... кое-каких проблем.

– Что случилось? – тут же заинтересовался я.

– Не столь важно, – он отмахнулся. – Главное, что теперь я могу возобновить поиски. И на этот раз не отступлю, пока Игла не будет найдена.

– И, все-таки, – не унимался я, – даже если допустить, что эта самая Игла Дживана существует, я не понимаю, зачем она *вам*?

Аверре ненадолго задумался, а потом дал ответ:

– Можешь считать меня сумасшедшим, но я верю в то, что она дарует своему владельцу поистине неопишемое и почти божественное могущество.

Я долго смотрел на него, чувствуя, как задергался глаз. Он что, всерьез? Можно начать опасаться за психическое здо-

ровье мастера-лейра?

– Технически выражаясь, – продолжил Аверре, будто не замечая моего ступора, – она способна настолько усиливать степень влияния индивида на Тени, что ее обладатель по мощи своей окажется сильнее сразу десятков тысяч лейров.

– И вы хотите стать одним из них? – кажется, вложил больше иронии, чем хотел.

Аверре нахмурился.

– Смени этот свой тон, – проговорил он. – Суть для меня не в силе, которой Игла обладает, а в самой способности этого предмета силу даровать. Если мне удастся ее заполучить, только представь, как изменится вся наша жизнь!

Особо напрягаться не понадобилось, но, говоря откровенно, то, что я себе представил, совершенно не пришлось мне по душе. Слишком уж часто напоминала история о том, куда именно ведут все благие намеренья. Но, из здравого смысла, напоминать Аверре об этом я не стал.

А он все разглагольствовал:

– Я – ученый, Сет. Исследователь. Искатель, в конце концов. Я просто обязан ее найти. Понимаю, тебе мои слова кажутся нелепыми. – Он усмехнулся. – Но помни, когда-то и мое предположение о Тенях, как о частицах силы, оживляющих материю, воспринимали так же. Или ты думаешь, Бавкида и другие сразу признали меня гением?

Я так не думал. Все в Ордене знали историю развития тайного ремесла, коим издревле владели лейры, и каждый осо-

знавал, какой вклад в него внес Батул. До этого Тени казались чем-то более постоянным и незыблемым, вроде гравитации. И только Аверре сумел доказать, всю ошибочность таких предположений. Благодаря его расчетам, навыки и способности лейров значительно расширились, их стало проще контролировать, а смертность среди алитов снизилась. И все-таки, одержимость наставника Иглой Дживана выходила далеко за рамки моего понимания.

Покрутившись в кресле и поглазев за рутинной, которой был занят Аверре, я только теперь заметил, что просто-таки истекаю потом. Температура в кабине хоть и была прохладной, но до трескучего мороза Яртеллы явно недотягивала.

– Спустись в кубрик и переоденься, – будто прочитав мои мысли, посоветовал наставник. – Там, куда мы направляемся нельзя, чтобы в тебе заподозрили лейра, а в этом своем «одеянии», ты уж больно бросаешься в глаза.

Не сказав в ответ ни слова, я отстегнул ремни и, подхватив рюкзачок, вышел из рубки.

Признаться, где у кораблей обычно находится этот «кубрик», я понятия не имел, так что двигался наугад через главный отсек. Место на любом космическом корабле всегда считалось на вес золота, но это не помешало проектировщику снабдить «Шепот» двумя отельными каютами, располагавшимися по левому борту. Сами каюты ничем особенным похвастаться не могли. Простые кубические кабинки с выдвижным лежаком и тумбочкой для личных вещей. После

весьма аскетичной Цитадели к тесноте мне было не привыкать, так что я без лишних возмущений бросил рюкзак на пол свободной каюты.

За одной из панелей обнаружился оборудованный по полной программе санузел. Над узкой раковиной висело зеркало. Отразившаяся в нем рожа меня совсем не порадовала: чувствовалась напряженность, сделавшая черты резкими, как у высеченной изо льда скульптуры. Стянув шапку, попытался разгладить слежавшиеся под ней волосы – бесполезно.

Оторвавшись от удручающего зрелища, я сменил оплетку на наряд попроще, чтобы, по желанию Аверре, не бросаться в глаза нормалам. Теперь это были узкие темно-серого цвета штаны, высокие ботинки на шнуровке, стального цвета рубашка и черная куртка с капюшоном из шерсти плотной и очень прочной мурафы². В рюкзаке остался только портативный компьютер, спрятанная в футляр голограмма матери, да комплект сменной одежды – на всякий случай. Было кое-что еще, о чем Аверре ни в коем случае не должен был знать: на левом запястье имелся передатчик, весьма умело замаскированный под стильный хромированный напульсник – приказ Бавкиды, который я оказался не в силах игнорировать. С его помощью я должен был докладывать ей о планах наставника о предстоящей миссии. Не скажу, что шкура шпиона

² Мурафа – распространенный в галактике материал, получаемый из паутины обитающего в джунглях Паракса паука-болотника.

была мне по душе, однако моего мнения никто, само собой, не спрашивал.

Окинув свое отражение отстраненным взглядом, я подумал, что вполне мог бы сойти за какого-нибудь космического бродягу. Большого и пожелать нельзя.

Боиджия.

Ничего странного в том, что название было незнакомым, я не видел, но, как обычно, слушал внутренний голос, подкрепленный предчувствием. А он говорил, что если Аверре заинтересовался этой планетой, жди неприятностей.

Склонившись над рюкзаком, я достал сложенный вдвое компьютер и, устроившись на лежаке, попробовал подключиться к инфосети³. В Цитадели строго ограничивали поток информации, льющийся через всегалактическую сеть, но, покуда Бавкида оставалась в тысячах и тысячах световых лет позади, об этом можно было не переживать.

Упомянув о Боиджии, Аверре сильно подогрел мой интерес. Я не был наивен настолько, чтобы поверить, будто он сделал это случайно, и потому без всяких мук совести полез за информацией. Обычно я не имел привычки засорять голову тем, что казалось неважным или неинтересным. Знания всегда носили для меня исключительно утилитарный харак-

³ Инфосеть – галактическая система объединенных голографических сетей для хранения и передачи информации на неограниченных расстояниях в реальном времени.

тер, но при этом не делали существом ограниченным. При-
сущая от природы любознательность всегда оказывалась то-
му прекрасным противовесом.

Соединение с сетью произошло практически мгновенно.
Я облегченно выдохнул. Бавкида могла без труда наложить
на мой компьютер блокировку, но доступ к инфосети был
открыт.

Ни секунды не мешкая, я сразу же забил в поиске Боид-
джию. Небольшой экранчик тут же заволочла космографи-
ческая карта галактики, а под ней замелькало перечисление
всех похожих названий, затянувшееся на пару томительных
минут. Оказалось, найти эту планетку не так-то просто. Воз-
можно, даже, не проще, чем отыскать имя Яртеллы в усы-
панном звездами пространстве.

Тем временем, экран продолжал пестреть данными с
изображениями, высвечивая максимально близкие значе-
ния, сопровождая их необходимыми отметками на карте.

Когда от мельтешения цифр и букв стало резать глаза, я
начал терять веру в успех. И вдруг чехарда прекратилась, вы-
светив яркую точку на самой вершине одного из спиральных
рукавов галактики, подписанную на риоммском. Ткнув по
ней указательным пальцем, я заставил точку немного увели-
читься и превратиться в трехмерную копию планетарной си-
стемы.

Я и сам не представлял, что конкретно ожидал увидеть.
Но на поверку Боиджия не слишком поражала воображе-

ние: очень маленькая планетка, единственная в системе, и при этом лишенная естественных спутников, она находилась там, куда никто в здравом уме и носе сунет, не говоря уж о том, чтобы захотеть поселиться. Ну чем не копия Яртеллы?

На планете имелись города. Вернее, один-единственный город, возведенный на скалистых вершинах нескольких отвесных холмов, расположенных рядом друг с другом. Назывался он Мероэ и выглядел куда цивилизованней, чем можно было представить. Сведения упоминали дикие поселения аборигенов, именовавших себя *махди*. Они обитали племенами в лесной глуши, занимались натуральным хозяйством, держались обособленно и избегали любых контактов с горожанами, считая их чужаками и пришельцами. В справке говорилось, что махди совсем не интересовались внешним миром и неизменно оставались полностью зацикленными на себе.

«М-да, – подумал я, – данных совсем чуть». Интересно, что за любитель-натуралист писал эту статейку и видел ли он сам когда-нибудь хоть одного махди? Я быстро пролистал изображения, прилагаемые к файлу с описанием, но ни одного аборигена не нашел. Только пейзажи Мероэ – очень эффектные, – да несколько картинок, демонстрирующих абсолютно непроходимые заросли вокруг.

«В общем и целом, – мысленно подвел я итог, сворачивая голограммы, – выглядит весьма интригующе». А это уже немало.

Погруженный в собственные размышления, я не сразу заметил, как в проеме появилась фигура Аверре. Его взгляд мне не понравился сразу. Во второй раз я поймал себя на мысли, будто он знает, о чем я думаю.

– Любопытство удовлетворено? – спросил наставник и покосился на компьютер у меня в руках.

– Хотя бы примерно представляю теперь, куда летим, – ответил я, убирая вещь в сумку.

Мастер усмехнулся.

– Ни один справочник не передаст тех ощущений, которые накрывают тебя, когда видишь Боиджию своими глазами. Это один из самых прекрасных и загадочных миров, где я бывал, а уж я, можешь мне поверить, повидал их на своем веку немало.

– Тогда почему я никогда о ней не слышал? – поинтересовался я. – С такими-то достоинствами она должна быть знаменита не меньше, чем Риомм⁴.

– Не забывай, Боиджия – закрытый режим. Чужаков там не жалуют. Кроме того, помимо всех достоинств, у этой планеты имеется один, но существенный недостаток, о котором ты узнаешь, когда окажемся на месте.

Совершенно неожиданно это натолкнуло меня на одну мысль, но, помня предупреждение наставника, спрашивать было боязно. И все же я рискнул:

⁴ Риомм – столица Риоммской Империи, центральный мир гегемонии, занимающей более половины территорий галактики.

– Мастер, могу я кое-что спросить?

Будто почувствовав, куда к чему я клоню, он отрывисто проговорил:

– Если только это не будет касаться твоей матери.

Я приуныл. Несмотря на четкий запрет, мне начало казаться, будто лучшего момента для вопроса о маме и придумать нельзя. Неизвестно, что могло ждать нас на Бойджи, а продлевать собственное неведение еще на неопределенный срок не очень хотелось.

– Есть вещи, которые я имею право знать, – напомнил я.

Аверре раздраженно выдохнул.

– Что знать? То, что мы с ней некогда были близки? К чему теперь-то об этом говорить? Все давно в прошлом.

– Да нет же! – Я приподнялся на лежаке. – Просто я подумал, раз вы хорошо знали маму, возможно, знаете, что с ней случилось. Или, хотя бы догадываетесь. Нет?

На какую-то долю секунды лицо наставника утратило обычную невозмутимость, сделавшись печальным.

– Боюсь, мне придется разочаровать тебя, Сет, – сказал он. – В Ордене не зря тратят столько сил, заставляя алитов забыть прежнюю жизнь. Все мы слишком зависимы от наших эмоциональных связей, а элийры – особенно. Если за столько лет Бавкида не позволила тебе заняться поисками самостоятельно, то я тем более не вправе что-то говорить.

– Так вы все же что-то знаете?!

Меня сорвало с лежака и остановило перед лицом настав-

ника.

Очень долго мы молча заглядывали в глаза друг другу. Наконец Аверре сказал:

– Я не знаю ничего, что позволило бы облегчить твою застарелую боль, мальчик. Забудь об этом. Не вороши прошлое. Оставь его там, где ему самое место. В воспоминаниях.

Он ушел, а я надулся. Легко рассуждать человеку, у которого вряд ли за всю жизнь была хоть одна сильная привязанность. Разве он может понять, как сильно перевернулся мой мир, когда пришло осознание, что мама больше не вернется? Пускай все говорило об обратном, а я как тогда не верил, что она погибла, так и теперь не верю. И потому, когда поводок, накинутый Бавкидой, ослаб настолько, что можно было самостоятельно выбирать план действий, не собирался упускать возможности найти единственного человека, которого когда-либо любил. И плевать, что на это скажет Аверре, Бавкида или сам Навигатор!

Глава 3

Мероэ

Больше двадцати часов прошло с тех пор, как мы покинули Яртеллу и час, как завершился наш с Аверре разговор. Все это время я продолжал торчать в каюте, занимая пустоту внутри себя кусками никому ненужной информации. Когда становилось совсем тошно, начинал бесцельно слоняться по кораблю, минуя при этом рубку, перебирая в голове наиболее изощренные способы пыток, коими мне стоило бы угостить новоиспеченного наставника. С тех пор, как Аверре едва не проговорился, меня не оставляло ощущение, что об исчезновении мамы ему известно намного больше. И это сводило с ума.

Я продолжал бесшумно циркулировать между отсеками, сжимая кулаки, и время от времени срывал накатывавшую злость на ни в чем неповинных переборках. Все внутри так и кипело, подталкивая силой вытащить из Аверре правду. Умом я понимал, какими последствиями грозил такой поступок, но сердцу было плевать. Раздраженно пнув торчащий из стены лежак, я тяжело рухнул на постель, лелея слабую надежду хоть ненадолго провалиться в сон.

Но едва голова коснулась плоской и неудобной подушки,

в дверях опять появился он.

– Если ты закончил извергать в пространство гневные флюиды, можешь подняться наверх и полюбоваться Боиджией воочию. Мы выходим из гиперпространства.

Я быстро поднялся наверх и размазался носом по главному иллюминатору, стараясь охватить взглядом как можно больше. Гиперпространство уже не рябило снаружи слепящими световыми бликами, и к нам стремительно приближался, разрастаясь в размерах, мутно-зеленый эллипсоид Боиджии.

Смотреть на любую планету с ее орбиты – зрелище неопишуемой красоты, но с этим миром все обстояло иначе. Почему-то, и я сам не мог объяснить причину этого, чем ниже спускался к поверхности «Шепот», тем сильнее возрастала нервозность, поселившаяся у меня в душе. Это нельзя было списать на волнение перед неизведанным или остатки злости на наставника. Казалось, что-то снаружи давит на разум, вынуждая нервные клетки гудеть от напряжения. Пожалуй, в этом смысле, Боиджию можно было сравнить с Яртеллой. Только у нас вся защита создавалась силами лейров, а тут... словно планета сама окутывала себя аурой неприступности. Пальцы сами собою скрючивались и тянулись к шее и бокам; ужасно хотелось почесаться.

Не об этом ли Аверре предупреждал?

Я искоса глянул на наставника, но тот, как и всегда, оставался невозмутим, точно камень.

Стоило нам окунуться в атмосферу, как тотчас же угодили в дикий шторм. Порывы шквалистого ветра едва не сносили корабль в сторону от намеченного курса. За непроницаемой завесой дождя разобрать что-либо казалось практически невозможным, только время от времени ярко-голубые молнии расцвечивали равнины, поросшие исполинскими паатовыми⁵ лесами.

Аверре перехватил управление на себя.

Впереди замаячил громадный силуэт. Сначала я не понял, что это, но, присмотревшись как следует, сумел распознать тот самый Мероэ, о котором читал. Бронзовые купола и тонкие золотистые минареты, венчавшие скалистые пики, умывались дождем. Возвышавшийся над океаном зелени, город, казалось, парил. Сбросив скорость, Аверре повел кораблик к ряду посадочных платформ, полукружьями выступающих прямо из стен. И ни патрульных катеров, ни запросов доступа, ничего. Как будто всем здесь было плевать на незваных гостей.

Выбрав одну из площадок, наставник плавно опустил звездолет и тут же с очень серьезным видом повернулся ко мне:

– Пришло время, кое о чем предупредить тебя, Сет. Хорошенько запомни то, что я сейчас скажу. Этот мир сильно от-

⁵ Паат – произрастающий только на Боиджии вид деревьев, достигавших до 10 кмв высоту и 20 мв ширину. Для паатов характерно сильное искривление ствола, из-за чего кажется, что они пригибаются к земле.

личается от прочих, и тем более не похож на Яртеллу. Много из того, что ты здесь увидишь, может показаться необычным или необъяснимым. Никогда не задавай вопросов тем, кого ты не знаешь. Старайся не разговаривать с посторонними. Не смотри по сторонам и никуда не отходи от меня, если только я сам тебе этого не велю. Понятно? Веди себя как можно естественней. Не дай им понять, что для тебя это путешествие первое. И, самое главное, не вздумай открыто использовать свои способности! Уясни это как следует, Сет, потому, что если вдруг кто-то из местных узнает в нас лейров, беды не миновать!

Из всего сказанного я понял только то, что в голове у меня родились сразу полтора десятка новых вопросов, но, благоразумия ради, решил придержать их до лучших времен. А сейчас только кивнул:

– Ладно.

– Отлично. Тогда бери вещи и идем.

Дождь хоть и сбавил силу, но, все же, продолжал поливать. Пока мы с наставником добрались до крытого помещения, оба вымокли до нитки. Естественно, настроения это не прибавило.

Очутившись под крышей космопорта, я с тяжким вздохом искоса стрельнул взглядом в наставника. Тот оставался невозмутим, словно муфас⁶ на выпасе. Стоя посреди сухого

⁶ Муфас – стадное животное, обитающее в степях Паракса, отличается невоз-

теплого атриума, в луже воды, натекашей с собственного костюма, Аверре держался с таким достоинством, будто на заседании риоммского Сената. По природе сам я был человеком независтливым, но в этот раз от души надеялся, что хоть немного соответствую ему видом.

На поверхности планеты неприятные ощущения, давившие на разум и тело, лишь усилились. Но теперь, к раздражающему зуду и нервозности, прибавилась промокшая насквозь одежда, а также кое-что, о чем с орбиты судить было трудно. Я сам это никак не мог описать, а когда прислушался к Теням, понял, что здесь есть что-то гниющее. Запах мертвечины и разложения заполнял все ментальное пространство, вынуждая морщиться от отвращения.

– Чувствуешь? – раздался позади негромкий шепот.

Я удивленно посмотрел на Аверре:

– Откуда эта вонь?

– Она не здесь, – улыбнулся мастер и постучал себя по лбу. – Она у тебя в голове. И у меня.

Я недоуменно нахмурился. О чем он толкует?

– Помни о моем предупреждении, – прошептал наставник. – Эта планета не для таких, как мы. Нечего удивляться. Привыкнешь.

С превеликим трудом отгородившись мыслями от неприятного ощущения, я сделал еще один глубокий вдох и, следом за наставником, поплелся к таможенному терминалу.

приимчивостью к любым факторам, кроме угрозы жизни.

Мокрые ботинки громко хлюпали в такт каждому шагу.

Местный космопорт выглядел совсем иначе, нежели я себе представлял. До сих пор, правда, подобные заведения встречались мне исключительно на голограммах, но, тем не менее, общую картину я знал и был уверен, что главным атрибутом такого места неизменно должны быть пассажиры. А их-то в Мероэ как раз и не оказалось. Вообще.

Разглядывая атриум, я ступал по-старому, покрытому пятнами въевшейся грязи, мрамору. Само помещение казалось довольно просторным, но не безликое и серое, как часто бывает в таких случаях, а наоборот – выдержанное в теплых золотистых и красно-коричневых тонах, с лепниной и скульптурками. Жаль только в отсутствие должного ухода все краски поблекли, превратив некогда изящный и со вкусом оформленный интерьер в жалкое подобие себе самому.

Я полагал, у терминала нас встретит таможенник, но ошибся – терминал тоже пустовал, оставив свободным выход в город. То ли никто и никогда не ожидал здесь гостей, то ли местным властям просто на них было плевать. О том, что такое планетарная безопасность в Мероэ, судя по всему, имели представление весьма смутное.

Естественно, я не удержался от вопроса:

– Разве нас никто не встретит?

– Я же предупреждал, не жди, что здесь все будет так, как ты привык. Это другой мир и правила здесь другие.

– Я и не жду. Просто... это как-то нелогично. Их не забо-

тит собственная безопасность?

– Естественно заботит. Но местные обеспечивают ее иными способами, только и всего. Будь уверен – нас заметили.

Вдвоем мы пересекли терминал и, пройдя через внутренние ворота, очутились на узких меройских улочках. Дождь к тому моменту уже перестал, тучи немного рассеялись и сквозь редкие прорехи стали пробиваться тонкие лучи бледно-оранжевого солнца.

Не стану скрывать, Мероэ превосходил все ожидания. Мне и в голову не приходило, что в глуши, подобной этой, может быть настолько красиво. Высокие дома с множеством окон в кованых решетках, узкие балконы и просторные террасы, утопающие в зелени и цветах. Купола и шпили, только что умытые дождем, игриво сверкали в закатном сиянии. Древнее и прекрасное произведение искусства, настолько поразительное, что даже всякие дурные ощущения отступили.

Аверре, удивив своей прозорливостью, это заметил:

– Не ожидал, а?

– Вы правы, – от удивления я даже забыл придать голосу толику холодной отстраненности. – Здесь все не так. Совсем не так.

– Еще бы! Это тебе не какая-то там Цитадель. – Наставник усмехнулся и подтолкнул меня вперед. – Надо подыскать место, где можно остановиться пока мы тут пробудем.

– И как долго? – Я оглянулся. Аверре, слегка шурясь на

солнце, водил взглядом по высоким домам.

– Для тебя это так важно? Уже скучаешь по Бавкиде?

– Вовсе нет. Просто интересуюсь. В гостиницу или отель?

– Тут их не так уж и много. Но есть одно местечко, вполне приемлемое. Идем, поймаем такси.

Такси отыскалось довольно быстро. На противоположной стороне пустынной улицы празднично томился рикша – отдаленно напоминающее карету, только без колес, транспортное средство на антигравитационной подушке. Подобное чудо передвижения я встречал впервые, но, как и требовал Аверре, явного интереса не проявил. Только незаметно заглянул под повозку, пока мастер договаривался с беззубым извозчиком о цене.

Возница попался не из торопливых. Он вообще как-то вяло отреагировал на просьбу доставить двух пассажиров в ближайшую гостиницу и выглядел так, словно очень долгое время пробыл в коме и только недавно очнулся. На мгновение я даже забеспокоился, в состоянии ли он вести свою аэрокарету, но, когда тот тронулся с места, обо всем забыл – замечательные меройские виды целиком поглотили внимание.

Мероэ не был монолитным, а располагался на нескольких близко расположенных друг к другу холмах. Эти отдельные части соединялись между собой широкими подвесными мостами, создавая ощущение парения. Как спицы колеса, они тянулись от одного района или уровня к другому. Когда рик-

ша проезжал по такой улице, я залюбовался простирающимися далеко внизу паатовыми джунглями. До посадки, во время дождя они казались мутными и бледными, но сейчас гигантские бутоны сверкали подобно тысячам разноцветных костров в бескрайнем океане зелени.

– Красиво, – тихо и с неподдельным восхищением проговорил я.

– Вевно гововишь, павень, – прошамкал старик. – Товько шибко не обманывайся квасотой – нет опаснее места, чем этот вес. Товько сунешь нос туда и поминай, как звави.

Народу по пути встречалось немного, но это лишь добавляло городскому облику загадочный вид. Редкие прохожие радовали глаз своей непохожестью. Почти каждый встреченный нами мероец принадлежал к какой-нибудь отдельной расе. Проведя всю жизнь на изолированной Яртелле, я никогда не видел столько инопланетных созданий на одном стандартном километре площади, и чувствовал себя оказавшемся на ярмарке. Единственное, что объединяло каждого прохожего без исключения, это тяжелый, пронзающий взгляд, которым нас окатывали, точно ледяной водой – более чем неприятное ощущение. В том, что касается местной нелюбви к чужакам, Аверре определенно не ошибался. Но вот что особенно интересно: как повели бы себя горожане, узнай они нашу истинную сущность?

Наконец такси притормозило возле высокого здания, выдержанного в той же изящной архитектурной манере, что и

большая часть местных домов. Над парадным арочным входом висела незатейливая вывеска: «Отель Бабор».

Спрыгнув не брусчатку, я подождал, пока наставник рассчитается. Деньги в руках Аверре держал имперские, и сдачу получил точно такими же монетами. Дождавшись, когда карета отъедет, я поинтересовался:

– Почему риммкоины здесь в ходу?

– Разве ты не знал, что официально Боиджия считается провинцией Риомма? – в излюбленной манере спросил Аверре. – Не так уж долго после смерти своего первого графа продержался ее суверенитет. Занди был выходцем с Риомма, так что ничего удивительного в том, что язык, деньги и вообще быт Мероэ позаимствован именно оттуда. Что, в твоей инфосправке этого не было?

– Наверное, упустил, – пожал плечами я. Все это и впрямь было не очень важным, только сам тон наставника слегка напрягал. – А вам не нравится причастность Империи к этому месту.

Это на самом деле не было вопросом, так, замечание, но Аверре все равно ответом меня не удостоил. Он отвернулся и, поднявшись по широким каменным ступеням, не говоря ни слова, скрылся за тяжелой резной створкой.

Когда я вошел в прекрасно освещенное и уютное фойе, он уже опирался на стойку портье, болтая о чем-то с необъятных размеров пожилой леди. Вероятно, то была хозяйка гостиницы, но держались оба, как давние знакомцы, хотя и не

сказать, что близкие. Умеренная, если можно так выразиться, роскошь бросалась в глаза. На обшитых темными паатовыми панелями стенах светились полумесяцами бра. Везде мягкие диваны и кресла, вазы с живыми цветами на столиках, а по полу расстелены пушистые ковры. И ни намека на пыль или грязь. Кругом просто стерильная чистота. В отличие от космопорта, было видно, что за гостиницей следили очень хорошо.

На меня, скромно топтавшегося на пороге, никто не обращал внимания. Придав себе вид бывалого путешественника, я неторопливо прошел вглубь помещения.

На одном из диванов, в окружении трех маленьких пушистых зверьков неизвестной мне разновидности, сидела девушка и что-то увлеченно читала. Ее взгляд из-под черной челки стремительно бегал по светящемуся экранчику, парившему в воздухе над острыми коленками, и все происходящее вокруг, будто бы совсем ее не задевало. Однако стоило сделать два шага мимо, и я сразу начал улавливать, исходящий с ее стороны интерес.

Это любопытство проступило так неожиданно и явно, что мне показалось, будто кто в плечо толкнул. Я даже опешил ненадолго. Срочно захотелось обернуться. Но тут меня окликнул Аверре:

– Сет, необходимо твое удостоверение.

Сдержав порыв, я приблизился к стойке и извлек из внутреннего кармана куртки идентификационный чип. Передав

его пожилой леди, смог получше рассмотреть ее. Первой мыслью, на которой я поймал себя, было осознание, что дама мне не нравится. Бесповоротно и окончательно. А самое главное, она, судя по выражению лица и сочащимся в пространство отрицательным колебаниям, питала к нам обоим схожие чувства. Даже не взглянув в мою сторону, леди приняла удостоверение, при этом держала себя так, будто ее вот-вот стошнит. Неужто знала, кто мы такие? Или у меня воображение расшалилось? Ни для кого из лейров не было секретом, почему большинство разумников в Галактике относятся к ним с негативом. Все эти тайные ритуалы и темные искусства, приводящие к чудовищным бойням, оставили глубокий и ничем нестираемый след в генетической памяти нормалов.

Процедура регистрации заняла всего несколько секунд и за это время, помимо крайней неприязни от дамы за стойкой, я продолжал чувствовать пристальный взгляд сидящей позади девушки. Ужасно хотелось оглянуться, но под игом Аверре сделать это незаметно было попросту невозможно.

Покончив с формальностями, дама вернула наши удостоверения, проговорив:

– Ваши номера 197 и 198. Мне послать прислугу за багажом? – Голос ее был тяжелый и властный, под стать телосложению.

Наставник учтиво улыбнулся, хотя, по моему мнению, улыбаться, глядя на эту в высшей степени отталкивающую

женщину, было решительно невозможно.

– О, это ни к чему, мадам Бабор. Все наши скудные пожитки при нас. – Он указал на мой рюкзак.

Мадам Бабор осклабилась, точно слегка подсевшее тесто:

– Тем лучше. Идемте, я провожу вас в комнаты.

Ухитрившись как-то выбраться из-за узкой стойки, она повела нас к лифту, а я все пытался хотя бы искоса глянуть на девушку еще раз. Вот от нее-то враждебности я не чувствовал, лишь безыскусное любопытство. Нам даже почти удалось встретиться взглядами, но Аверре снова окликнул меня и двери кабинки закрылись.

Лифт мигом вознес нас к вершине здания, под самую мансарду. Выйдя наружу, оказались в длинном темном коридоре с алыми стенами и двумя рядами высоких двустворчатых дверей по обе его стороны. Между каждой дверью на стене крепились лампы, и свет их, уже по традиции, скорее сгущал мрак, нежели рассеивал его.

– У вас здесь не так много постояльцев, – заметил Аверре, шагая вдоль тусклых пятен света.

Ответ хозяйки был слишком лаконичен:

– Достаточно.

Почти уйдя в самый конец коридора, мы остановились возле дверей с бронзовыми табличками. Номера располагались один напротив другого.

– Ваши комнаты. – Мадам Бабор быстро всунула наставнику ключи и спешно ретировалась.

Проводив ее взглядом вплоть до самого лифта, я приглушенно спросил:

– Что это с ней? Испугалась превратиться в насекомое? Аверре только качнул головой и протянул мне ключ.

Открыв дверь комнаты, я тут же замер: настолько она отличалась от моего прежнего и скромного жилища в Цитадели. Как и весь отель, номер был выдержан в яркой коричнево-алой гамме. Посередине стояла просторная двуспальная кровать, а рядом две миниатюрные тумбочки. У окна, занавешенного плотными бордовыми портьерами, располагался тяжелый письменный стол, несколько стульев и пара, мягких и очень удобных на вид, кресел. Несколько картин украшали стены. Все было подобрано со вкусом и выглядело весьма уютно. Интересно, а номер Аверре такой же или ещё роскошней?

– Устраивает? – спросил наставник, выдыхая мне чуть ли не в затылок. Я точно парализованный застыл на пороге и не отвечал, пока он не втолкнул меня внутрь. – Ну, осмотрись же! Чего встал?

Все еще в состоянии легкого ступора, я бросил рюкзак на кровать и первым делом подбежал к окну. Раздвинув тяжелые портьеры, впустил внутрь свет, захлебнувшись открывшимся снаружи видом. Слов не найдется, чтобы описать его. Даже не предполагал, что мы забрались так высоко!

Привычка скрывать от всех истинные чувства удержала меня от того, чтобы обернуться и с придыханием восхитить-

ся. Вместо этого только сдержанно произнес:

– Чем-то напоминает Риомм.

Аверре мои слова как будто удивили.

– Разве ты был на Риомме?

– Нет, – качнул я головой. – Просто видел голограммы.

Города, конечно, разные, но что-то общее между ними есть.

– Ты прав, – неожиданно согласился наставник. – Занди строил утопическое детище, основываясь на том лучшем, что, по его мнению, имелось в Галактике.

– Риомм в миниатюре?

– Лучший Риомм, – хмыкнул он. – Вернувшись с войны, генерал был заражен идеей создания совершенного общества, в котором не существовало бы лейров и им подобных.

– В этом-то он преуспел. Кроме Адис Лейр в Галактике никого и не осталось.

– Иронизируешь?

Я покачал головой.

– Мне кажется, Занди следовало поступить умнее и не пытаться строить новое, а изменить к лучшему то, что имелось. Он мог улучшить мир, в котором жил, а не сбегать в другой. Столько сил потратил на освоение Бойджи. Представьте, что было бы с Риоммом, направь генерал свои ресурсы в иное русло. – Я оглянулся.

На губах наставника играла ироничная улыбка.

– А кто бы ему позволил?

– Зачем бы ему спрашивать разрешения? – удивился я. –

На его стороне была армия. И сила Иглы, о которой вы всё говорите. Странно не воспользоваться таким шансом и не попытаться установить собственный диктат в Империи.

– Лейры были уязвимы для Иглы благодаря своей связи с Тенями. Могла ли она навредить нормалам – неизвестно.

– Если только она вообще существовала.

Аверре вздохнул.

– Снова за свое? Сенат, между прочим, тоже не был настолько уж уязвим. Думаешь, никто из политиков того времени не предполагал, что после войны Занди попытается захватить власть? Для них он всегда оставался костью в горле, бельмом на глазу. Без сомнения он был крайне полезен, но и опасен тоже не в меньшей степени. Ему попросту не дали возможности проявить себя, отправив в ссылку от глаз подальше. Вот и все. Место, конечно, он выбрал сам и это была Бойджия, но я так и не нашел ни единого доказательства, чтобы он когда-нибудь пытался вернуться обратно.

– И вам это не кажется странным? Имея на руках такие карты, он попросту отказался от битвы и добровольно превратил себя в затворника. Мне всегда казалось, что разумники подобного склада обычно так не поступают.

– Много ты разбираешься в разумниках. Мекта от портакианца не отличишь, – фыркнул Аверре, рассеянно почесав подбородок. – Я думаю, Занди был из тех редких личностей, кто надевал военный мундир лишь по необходимости. Возможно, он ценил жизнь куда больше, чем ты или я сможем

когда-либо представить. Возможно, он понимал, какой ужасной находкой стал обладать и, прежде чем она попала не в те руки, спрятал ее от посторонних глаз.

– На Бойджии, – зевнул я, с внезапной остротой ощутив утомленность от поездки и всех сопутствующих переживаний.

– А где же еще?

– Ну-ну.

Пока мы препирались, тучи заново обложили город, окончательно спрятав солнце. В комнате потемнело. Глядя вдаль, я сказал:

– Никогда бы не подумал, что одному разумнику под силу создать целую колонию. Для этого нужно обладать очень редкими способностями и немалым числом последователей.

– Ты прав. – Кресло скрипнуло под весом наставника. – Занди в последователях никогда не знал недостатка. Люди шли за ним, куда бы он их ни вел – в светлое будущее или же на смерть – с одинаковым упорством.

– А как насчет денег? Чтобы создать подобное чудо должны были потребоваться баснословные суммы.

– Об этом история умалчивает. Ни одного достоверного свидетельства, откуда брались деньги, мне найти не удалось. Но я не думаю, чтобы Занди пользовался финансовой поддержкой со стороны. Богатых и влиятельных друзей у него, конечно, всегда хватало, но такое ведение дел неминуемо поставило бы его в очень уязвимое положение, а, насколько я

знаю, генерал ничто так не ценил, как независимость и свободу. Он был идеалист, спустивший на мечту все, что имел.

Последние слова наставника заставили меня слегка пересмотреть уже сложившийся в голове образ гениального полководца. Генерал Занди больше не казался простым воякой, вдруг возжелавшим создать собственное маленькое царство. Скорей, это была попытка сбежать от диктатуры власти и создать более свободное общество. Единственная проблема заключалась в том, что освободившись от диктата над собой, он сам стал тираном, навязал собственную волю организованному им обществу. А это уже расходилось со всякими понятиями о свободе.

Будто в подтверждение этих мыслей, Аверре добавил:

– Кхамейр Занди любил власть, а это не самое подходящее качество для человека, стремящегося к всеобщему благу.

– Все равно у него ничего не вышло. – Отойдя от окна, за которым снова разразился ливень, я включил настольную лампу и уселся в свободное кресло. Оно оказалось до неприличия удобным. – Я имею в виду, Боиджия так и осталась вечным захолустьем, и никаким лучшим обществом здесь никогда не пахло.

– Все верно. По экономическому и социальному развитию, планета стоит на целую ступень ниже самой захудалой риоммской провинции.

– Вы говорили, что Боиджия и есть риоммская провинция, – вяло напомнил я, буквально растекаясь по мягкой

обивке. Накатившая усталость сделала мысли медленными и вязкими, как патока.

Сквозь полуприкрытые веки я почти не видел, как Аверре пожал плечами.

– Значит, она самая захудалая и есть.

Я собирался сказать что-то еще, но не вышло: фраза превратилась в громкий и широкий зевок.

– Вижу, моя болтовня тебя утомила, – спохватился наставник. – Хотя мне следовало это предвидеть и дать тебе отдохнуть после перелета, а уж потом загружать информацией.

– Ничего, все нормально, – отмахнулся я после очередного зевка.

Аверре поднялся и хлопнул себя по карманам.

– Ложись-ка ты спать, Сет. Завтра нас ждет крайне напряженный день.

Упоминание о грядущем, слегка всколыхнуло меня. Прикрыв рот ладонью, я поинтересовался:

– Чем мы займемся?

Явно мне назло, Аверре не признался и двинулся к выходу.

– От любопытства гокки⁷ сдохла, – обронил он напоследок. – Завтра увидишь. – Подмигнул и вышел, закрыв за собой дверь.

⁷ Гокки – мелкие четвероногие хищники, обитающие на Бойджи. Повадками напоминают земных кошек.

Глава 4

Глаза в темноте

Первые несколько минут, оставшись наедине с собой, я просидел как в оцепенении, пока не начал клевать носом. Наверное, я так и уснул бы в кресле, если б какая-то особенно-прыткая часть моего сознания, не продолжала переосмысливать все, что слышала от Аверре, суммируя с впечатлениями, произведенными Боиджией. Игла, Мероэ, Занди – все это кипело в голове, как в котле, варилось и перемешивалось, а в итоге получалась несуразная и совсем несъедобная белиберда. Одно только и было ясно: наставник почему-то не сказал прямо, но это определенно не первый его визит на Боиджию.

Едва осознание сего факта улеглось, весь мой сон, будто рукой сняло. Задумчиво побарабанив пальцами по подлокотнику, я прикинул, а не была ли та его оговорка насчет моей матери, неслучайной? Неспроста же он так отчаянно отказывался отвечать на мои вопросы. Насколько велика вероятность, что Аверре и она провели какое-то время вместе? На Боиджии. Существовал только один способ выяснить, верна ли моя догадка, а именно: запросить данные обо всех постояльцах гостиницы в год, когда пропала мама, и проверить

имена. В том, что Аверре мог назвать фамилию фальшивую, я сильно сомневался. Но даже если и так, всегда оставалась возможность сравнить описания.

Резко вскочив с места, я подлетел к справочному терминалу отеля и вызвал на связь портье. Когда слегка тормозящий ИскИн все-таки отозвался, я как мог сдержанно обличил свое пожелание в слова.

Изначально долго устанавливая мою собственную личность, гостиничный интеллект еще минуту соображал, обладаю ли я достаточным статусом, чтобы обращаться к нему с просьбами. Когда вопрос с идентификацией разрешился, выяснилось, что любые сведения о постояльцах отеля строго конфиденциальны и посторонние к ним ни под каким предлогом не допускаются.

– Извините, господин, но я не могу вам помочь, – скорбно ответила оживленная алгоритмами виртуальная личность. – Таковы правила.

– Я понимаю, но вы не могли бы... хотя бы проверить имя: Сол Эпине. Просто проверьте, не останавливалась ли она в вашем отеле десять лет назад.

Вещающая через встроенный в столешницу динамик, машина опять задумалась, и я решил, что мне все-таки помогут.

Но тут она заговорила снова:

– Назовите, пожалуйста, код вашего полицейского доступа.

– Причем тут полиция? – удивился я. – Мне просто нужна информация и все.

Из динамика раздался статический шум, затем ИскИн повторил:

– Прошу прощения, господин Эпине, но таковы правила. Если у вас нет нужного доступа, в просьбе будет отказано. Всего хорошего, молодой господин. Желаю вам приятного пребывания в нашем отеле.

Экран терминала погас.

Выругавшись, я снова плюхнулся в кресло и со злостью ударил по подлокотнику. Руки чесались разнести вежливую электронную говорилку на атомы. Даже настольная лампа в ответ на ментальные эманации немного засбоила. Пришлось одернуть себя и заставить успокоиться. Как бы там ни было, еще не конец. Разговор с местным мажордомом был лишь одна из возможностей, причем наиболее простая. Но ведь существовали и другие – не столь легкие, зато интересные. Пусть с ИскИном договориться не получилось, возможно, получится с созданием из плоти и крови.

За что я недолюбливал различные механизмы и искусственные интеллекты, так это за отсутствие возможности оказать на них влияние. С разумниками все намного проще. Особенно если они никогда и ничего общего с лейрами не имели. Например...

Первой и пока единственной на ум приходила мадам Бабор.

Стоило представить себе выражение лица грозной дамы, отпадало всяческое желание к ней приближаться. Но с другой стороны, говорить с хозяйкой отеля нужды вовсе не было, хотя ковыряние в ее голове вряд ли могло сойти за зло меньшее. Во втором случае существовал риск серьезно напортачить, но это не так уж страшно. Опасение провала из всех сил боролось со стремлением выяснить правду, а мадам Бабор была единственной ниточкой, способной подвести меня к ней. Стоило ли это возможности навсегда повредить чужой разум? О собственных мозгах я даже не задумывался.

Повернув голову и поглядев в ставшее совсем темным окно, я все-таки принял решение.

Приятное чувство предвкушения медленно разливалось по всему телу, пробуждая нетерпение, которое не могла побороть даже накопившаяся за время перелета усталость. Я почувствовал, как губы медленно расплываются в улыбке.

И никакого контроля со стороны Бавкиды.

Всплывшее имя старой наставницы вовремя напомнило ее излюбленную фразу: спешка может больше навредить делу, нежели помочь ему. Только эти слова удержали меня от того, чтобы сию же минуту не кинуться на сумасбродные поиски гостиничной управляющей.

Я с разбегу совершенно по-детски сиганул на кровать. Толстый упругий матрас приятно пружинил тело. Даже представить себе трудно, как же, должно быть, приятно на нем спать. Но о глубоком и долгом сне я пока еще думать

не собирался. Лежа головой на огромной пуховой подушке, я упирался взглядом в неприметную дверь, обделенную до этого вниманием. Еще не успев открыть ее, я знал, что прячется по ту сторону. Мысли уже находились на дне большой мраморной ванны, под толстым слоем душистой белой пены. Только теперь я понимал, чего хотел больше всего на свете: час, а, может, даже два потратить на то, чему на Яртелле принято уделять максимум минут пятнадцать, и то стоя под душем.

Пройдя в ванную, я щелчком заставил включиться свет внутри. Комната оказалась традиционно светлой и чистой, и никакими неприятными сюрпризами не удивила: большая белокаменная ванна, выложенная мрамором, белоснежная умывальная раковина и сияющий унитаз. Все, как и везде. И без пятен ржавчины и неприятного запаха. Даже полотенца на сушилке ослепляли чистотой и пахли свежестью неизвестных мне цветов. Тюбики и баночки со всевозможными снадобьями блестели на полочках, выставленные по росту. Скажи мне кто об этом раньше, в жизни бы не поверил, что в таком захолустье так отчаянно следят за сантехникой!

Открыв кран с горячей водой, я выбрал одну из склянок и обронил щепотку ее содержимого в ванну. Пока вода набиралась и пенилась, я скинул с себя всю одежду, бережно опустил поверх всей кучи напульсник-коммуникатор и, предвкушая миг блаженства, растянулся на мраморном дне под густой и очень душистой пеной. Вот это-то и означало

насладиться путешествием.

Примерно час спустя, когда как следует откис и намылся едва ли не до хрустального блеска, я с большой неохотой вылез на коврик и быстро закутался в большое пушистое полотенце. Вытершись насухо и накинув халат, вернулся в комнату, довольный жизнью, как никогда прежде. Расслабленный и освеженный я готов был провалиться в забытие снасию же секунду, но кое-чего для полного счастья все-таки не хватало.

Голод напомнил о себе легким спазмом и урчанием в животе. Совсем не собираясь ложиться спать, не получив должную порцию углеводов и жиров, я заново обратился к местному чуду компьютерной мысли с просьбой прислать в номер что-нибудь съестное.

– Извините, господин, – ответила машина с очень странной ноткой, сильно напоминавшей человеческое ехидство. – Ваша просьба не может быть выполнена.

– И почему же, позвольте спросить?

– Из-за сокращенного числа постояльцев кухня закрывается рано. Мы вынуждены просить вас обождать до утра.

Из-за сокращенного числа? А что, тут и наплывы случаются?

Экран погас, и я остался в одиночестве уставший, злой и голодный. Только-только вернувшееся настроение испарилось без следа. Усевшись обратно в кресло, я попытался вспомнить, когда ел в последний раз. Если не считать той пи-

тательной гадости, что подавалась в качестве особого блюда на борту корабля Аверре, это был ужин перед самым отлетом. Смешно. Никогда терпеть не мог тамошнюю стряпню, а вот улетел и сразу же стал скучать.

Вдруг, словно разбуженный мыслями о так называемом доме, очень тихо запищал напульсник. Я и забыл, что по прибытии надлежало немедленно связаться с Цитаделью и сообщить о своем местоположении. Страшно было представить, что творилось с Бавкидой, пока она провела столько часов в ожидании.

Подскочив к напульснику, я нажал кнопку приема и слегка отодвинулся назад, позволяя трехмерному изображению проецироваться на крышку стола. Из-за чрезмерной компактности устройства четкость голограммы изрядно страдала, но не настолько, чтобы не различить недовольство, царившее лице старухи.

– В чем дело, Сет? – резкость ее слов заставила меня отступить еще на полшага, хотя удалось придать своему жалкому отступлению спланированный вид, будто я собрался запереть входную дверь на замок.

Признаюсь, прикидываться невинностью мне было не в первой. Старательно изображая на лице недоумение, я сказал:

– Вы же велели мне связаться с вами, как только мы достигнем места назначения.

– Ну, и?

Я развел руками:

– Так мы только и прилетели. Я даже вещи распаковать не успел.

Даже сквозь расстояние в сотни тысяч световых лет можно было почувствовать, с каким сомнением отнеслась к моим словам наставница всех лейров.

– А ванну принять? – проворчала она. – И запахни халат как следует.

В жизни своей не краснел сильнее, так что быстро натянул халат по самые уши.

– Итак, где вы?

– Это Бойджия, – пробормотал я.

Ледяная тишина, обрушившаяся на меня после этого, была, пожалуй, одной из худших реакций, которые когда-либо доводилось встречать. Бавкиды я вовсе не боялся, вернее, не так сильно, как прочие алиты, однако временами она умела нагнать страху даже на ледяной столб.

– Мне следовало догадаться. – Когда она говорила, нотки чего-то человеческого из ее голоса исчезали напрочь, только холодная пустота, слишком похожая на космос, чтобы не обращать внимания.

И все же, большее любопытство вызывали сами слова, нежели тон.

– Вы знали, что он может полететь сюда, – заметил я. – Откуда?

Однако вопрос остался без ответа. Впрочем, как и тот, что

я задал следом.

– Моя мать ведь была здесь, не так ли? Причем, вместе с Аверре.

– Ты не понимаешь, о чем болтаешь, – отстраненно прошипела старуха из-под капюшона. – Не смей больше задавать мне подобных вопросов! Ты здесь с определенной целью, вот и сосредоточь все свое внимание на ней, а рассуждения оставь тем, кто в этом разбирается.

Я щурился, предчувствуя недоброе, но все равно проговорил:

– Вы и мастер Аверре, оба питаете склонность к тайнам, не задумываясь, что рано или поздно, они все, как правило, всплывают.

– А вот сейчас не поняла, – Бавкида чуть отклонилась назад. – Это что, была угроза?

Я отрицательно покачал головой.

– Нет, конечно.

Старуха чуть смягчилась.

– Он сказал, для чего вы здесь?

Я кивнул.

– Легенда об Игле Дживана. Он думает, что она не выдумка.

Повисла новая пауза, но длилась она недолго.

– Значит это правда. Он ищет Иглу. – Удивления в ее тоне я не услышал. Знала ли Бавкида больше, чем изволила рассказать перед отлетом? Не так уж и невероятно. – Как это

неожиданно, но так кстати.

– Прошу прощения?..

Она всколыхнула капюшоном.

– Не обращай внимания. Сосредоточься на своем задании.

На словах сделать это было проще, чем на деле.

– Думаете, он не догадывается о том, что вы хотите, чтобы я за ним шпионил?

Изображение Бавкиды зарябило, но быстро стабилизировалось.

– Он бы не был Батулом Аверре, если б не догадывался, – сквозь шум статики проговорила она. – В том-то и заключается вся сложность твоей задачи, Сети. Ты обязан вести себя так убедительно, чтобы даже у такого прожженного скептика, как Аверре не осталось ни малейших сомнений в твоей искренности.

– Легко сказать.

На что старуха как обычно отмахнулась.

– Только не прибедряйся. Ты можешь сколько угодно прикидываться паинькой, но передо мной этого делать не нужно. Уж если кто и способен пустить ему пыль в глаза, так это ты. Иначе никто бы тебя из Цитадели и не выпустил.

Совсем не такой похвалы я ожидал от самого великого мастера Адис Лейр.

– Мне придется лгать ему в глаза? – спросил я холодно. – Я не хочу быть тем, во что вы меня рядите, мастер. Это под-

ло.

– Смотрите-ка, кто тут заговорил о нравственности, – захохотала Бавкида. – Почему-то ты не вспомнил о морали, когда в отместку за то, что бросили тебя в той пещере, почти довел до безумия троих мальчишек.

Словно наяву перед глазами проплыла вереница жутких видений, наполненная одиночеством, ужасом и темнотой. Даже сейчас, семь лет спустя, когда вспоминаю тот случай во снах, сердце замирает от страха, а сам я целиком обливаюсь потом и напрягаюсь судорог в мышцах. Трое старших алитов во время одной из учебных вылазок решили подшутить и завели меня в кристаллическую расщелину и бросили там одного в окружении ночных хищников. Они сбежали, а я остался один против смерти. До сих пор не понимаю, каким образом сумел выбраться. Следующую неделю я заново учился говорить, следующий месяц посещать занятия, а следующий год заставил пожалеть троих виновных о содеянном...

– Их до сих пор держат в изоляторе на сильных подавителях, – продолжила Бавкида. – Знаешь, что это такое?

Я не успел бы ответить, даже если бы захотел.

– Это значит, – сказала она, – что их круглые сутки держат под ментальным контролем. Потому что, если ослабить его, они попытаются выцарапать себе глаза, лишь бы не видеть ужасы, которыми ты населил их несчастные разумы!

Несмотря на то, что гордиться тут было нечем, я не испы-

тывал большого раскаяния за свою месть, и потому прямо смотрел в темную прорезь капюшона наставницы.

– Я едва не умер, а им было плевать. Они заслужили это.

– Возможно, – согласилась Бавкида. – Как может, заслужил и Батул, чтобы с ним обошлись немного нечестно.

Я колебался, и она это чувствовала.

– Вспомни, Сет, кому ты служишь на самом деле. У тебя нет иного выхода, кроме как подчиниться приказу Навигатора. Ты должен довести дело до конца. Ты меня понимаешь? – Ее сокрытые тенью глаза приковали мое внимание. Ей требовался немедленный и положительный ответ.

И я сказал:

– Я все сделаю.

Следующий сеанс связи должен случиться лишь после того, как только мне будет, что поведать ей о ходе поисков Аверре. Теперь я уже не имел права забыть об этом или упустить какую-либо деталь. С каждой мелочи будет спрос. А до той поры было решено лишний раз меня не трогать.

Едва изображение Бавкиды распалось, я позволил себе шумно выдохнуть и тяжело опустился на кровать. Общение с наставницей лейров порой напоминало купание с голодными катранами⁸ – не знаешь, с какой стороны ожидать нападения.

С тоской взглянув на дверь в ванную, я подумал, что сейчас не помешал бы контрастный душ, но с облегчением вер-

⁸ Катрана – хищная рыба, обитающая в океанах Риомма.

нулась и усталость, а с нею и во много раз усилившийся голод.

Наплевав на правила, одевшись и не забыв напульсник, я отправился на поиски кухни. Где ее искать, я ни малейшего понятия не имел, но был уверен, что толика упорства и немного удачи принесут самые питательные плоды. В прямом смысле. Раз уж ИскИн отказался кормить своего постояльца, можно поступить иначе: спуститься в фойе и выпросить еды у администратора. Время не настолько позднее, поэтому за стойкой наверняка кто-нибудь да должен еще быть. Едва ли все здесь обитают впроголодь. На худой конец, можно отправить посыльного в ближайший магазинчик.

Очутившись в одиноком полумраке коридора, я вдруг ощутил себя слегка не в своей тарелке. Было странно стоять здесь, в то время как Аверре мирно похрапывал в номере, даже не подозревая о том, что я отважился на самостоятельное обследование отеля. Это принесло почти забытое с детства ощущение восторга. Теперь уже не столько голод, сколько интерес вел меня к лифту.

Пока спускался в фойе, я вдруг вспомнил прелестное личико странной девушки, так сильно заинтересовавшей мною, когда мы только въехали. Кем она могла быть? Возможно постоялицей, хотя и не обязательно. Интуиция почему-то уверенно шептала, что в гостинице она не чужая.

В холле оказалось темно и пустынно. В отличие от коридоров, где тусклые бра хоть как-то разгоняли мрак, здесь все

лампы были обесточены, и лишь на стойке горел маленький светильник, а за ней самой – никого.

Меня это удивило не слишком. Судя по тенденции, найти что-либо или кого-либо в нужный момент здесь можно было только при большом везении.

Подойдя к стойке, я просто ради интереса несколько раз нажал на зуммер. Однако, как и ожидалось, истошные трели никого не привлекли.

Ничуть не разочарованный, я негромко позвал:

– Эй, есть здесь кто-нибудь?

Именно в этот момент я ясно понял, что не один. Не могу сказать, откуда взялось ощущение. Как и прежде, потоки Теней оставались в постоянном движении. Но это было как что-то за гранью обыденного понимания, как инстинкт, как предчувствие, что за мной наблюдают. Находясь на самом виду у стойки в лужице света, я остро почувствовал себя уязвимым.

Поводя головой из стороны в сторону, я повторил:

– Эй?

Но в ответ все та же тишина.

Вдруг ощущение, будто тебя рассматривают под микроскопом, исчезло. Снова звякнув, я заметил позади стойки замаскированную под стенную панель дверь. Вероятно, за ней располагалась часть служебных помещений. Едва ли обычные постояльцы имели туда доступ, но кто мог сказать мне «нет»?

Толкнув вперед оказавшуюся незапертой дверь, я вновь очутился в очередном темном коридоре. Интересно, дело в дефиците лампочек или здесь принято экономить на энергии?

Отыскав на ощупь выключатель, зажег свет и обнаружил еще четыре двери. Три из них оказались заперты. Толкнувшись в четвертую, я с размаху на кого-то налетел.

– Осторожней!

Сначала я не понял, кто это был, но потом узнал ту самую черноволосую девушку, что сидела на диване в фойе. Теперь-то мне удалось гораздо внимательней рассмотреть ее. Лицо оказалось гораздо красивее, чем представлялось вначале. И моложе. Едва ли ей было больше двадцати.

Моего появления здесь она явно не ожидала, что породило испуг, а вместе с ним и справедливый упрек:

– Вы кто? Что вы здесь делаете? – Она очаровательно хмурила бровки и надувала губки, но делала это как-то совсем не агрессивно.

Первым побуждением было накинуться на нее с ответным вопросом, зачем следить за мной и прятаться, но потом сознание подсказало, что ее-то разум, в отличие от неизвестного снаружи, от моего внутреннего взора не защищен вовсе.

– Извините, – смущенно проговорил я. – Просто искал кого-нибудь из персонала. Я живу здесь.

– Где здесь? – переспросила она.

– Ну, в отеле. Номер снимаю. Я помогаю профессору

Аверре. Я вас видел, когда мы приехали.

– И что с того?

Беседа явно не складывалась. Я старательно пробовал собрать слова в осмысленные фразы, но выходило не особенно удачно. Девушка же была поглощена тем, что ногой пыталась отеснить обратно за дверь высунувшего голову питомца.

– Что вам надо?

Вообще-то, прозвучало не очень вежливо, и, как постоялец, я мог бы возмутиться такому обхождению. Только вовремя вспомнил, что, по сути, залез туда, куда не следовало. Поэтому отвечать пришлось вежливо, более-менее:

– Вообще-то я пытаюсь найти что-нибудь из еды. Есть здесь у вас бар или ресторан или еще какое-нибудь место, где можно перекусить?

Выражение ее лица оставалось недобрим, и даже взгляд изумрудного цвета глаз не смягчился.

– Здесь вам не Риомм, господин, – проговорила она едко. – Постояльцев совсем немного и все уже давно закрыто.

– Это заметно, – ответил я, опустив момент разговора с местным ИскИном. – Предлагаете голодать до утра?

Девушка нахмурилась, скрестив на груди руки, и оглянулась на дверь. Что-то обдумала, потом тяжело вздохнула.

– Ну, ладно. Поднимайтесь к себе, я схожу на кухню и поищу что-нибудь. Принесу в номер.

Уже одно это заслуживало благодарности.

– Спасибо.

Изобразив губами усмешку и ничего больше не добавив, девушка развернулась и зашла в комнату, захлопнув дверь перед самым моим носом.

Вот тебе и обслуживание. Высший класс! Растерянно покачивая головой, я не спеша отправился обратно. А что еще оставалось? Сказала же, принесет сама.

Только возвратившись в фойе, я попытался еще раз прислушаться к ощущениям. Клубящиеся вокруг Тени оставались, как и раньше, размеренными и неторопливыми, словно сонный туман, коим он представлялся в моем сознании. И ни следа былого предчувствия. Погасив лампу, я перемахнул обратно через стойку и снова оглядел темный зал – ничего. Порой воображение любит играть и с лейрами.

Успокоенный этой мыслью, я нацелился в распахнутые двери лифта. Но едва моя нога успела коснуться ворсистого пола кабинки, со стороны лестницы, ведущей на бельэтаж холла, раздался какой-то приглушенный шум.

Я так и замер на середине шага.

Прислушался: звук был негромкий, но четкий и в тишине фойе улавливался достаточно хорошо, напоминая глухие удары металла о камень. Проходя здесь в первый раз, я ничего подобного не слышал и, что могло послужить его источником, не подозревал. Но сразу же остро захотел узнать. Любопытство всегда оставалось одним из главнейших моих пороков. Часто именно оно и заводило в самые неприятные места, обращаясь причиной большинства бед. И до сих пор

я так и не научился его контролировать.

Вот и сейчас, вместо того, чтобы просто вернуться в свой номер и спокойно дождаться ужина, обязательно приспичило выяснить, что это там наверху.

Я взбежал вверх по лестнице на галерею, нависшую массивным ободом над главным входом. Держась за резные каменные перила, осторожно прошел вперед, внимательно осматривая каждый сантиметр площади. Свет уличных фонарей, бьющий сквозь широкие окна, давал достаточно освещения, чтобы не наткнуться на торчащие буквально отовсюду конечности скульптур или вазоны. Чем дальше я ступал, тем отчетливее слышался шум, а вернее стук, и совсем скоро его источник обнаружился: старый робот-уборщик лежал у постамента статуи крылатой женщины лицом вниз в луже собственной смазки и судорожно бился хромированной головой о мраморную мозаику пола.

Не больно-то разбираясь в технике, я предположил, что виной всему короткое замыкание, и присел ряжом, намереваясь осмотреть пострадавшего: из места соединения головы и плеч сыпались мелкие искры. Возможно, бедолагу заклинило, когда он смахивал кисточкой пыль. Не скажу, будто в этом было что-то удивительное. Даже на вид механоид выглядел слишком старым – просто рухлядь, – и давно требовал списания в утиль. Видно, дела у хозяев отеля и впрямь шли не слишком-то ладно. Как им вообще удавалось содержать такую громадину в порядке? Немного странным каза-

лось время, выбранное роботом для уборки, но и это легко списывалось на сбои в программе. Могло статься, именно его присутствие я и почувствовал, когда подходил к стойке.

Вдруг мой взгляд остановился на затылке робота. Как раз в том месте, откуда сыпали искры, торчало что-то очень напоминающее старую швейную иголку, только не из стали, а как будто бы растительного происхождения. Я склонился поближе. Очень трудно было поверить в то, что такой маленький и хрупкий на вид предмет, способен проделать отверстие в весьма плотном затылочном кожухе робота. И, все же, эта штучка явно не вылезла изнутри.

Внезапно сильнейшее предчувствие опасности заставило меня вскочить и резко развернуться. Я присмотрелся. За одной из статуй смутно угадывался чей-то силуэт. Свет фонарей отражался в глазах фигуры, слишком больших, чтобы принадлежать человеку, и горящих синим пламенем.

– Кто вы? – спросил я твердо, хотя сердце билось где-то в районе правой пятки.

Существо не двинулось с места, лишь продолжало упрямо глядеть.

Признаться, от этого взгляда у меня мороз пошел по коже. На чистом инстинкте я потянулся к разуму существа сотканными из Теней щупальцами, собираясь понять его природу, но будто бы на стену голую наткнулся. Абсолютно гладкую и холодную, как лед.

Я опешил. Ничего подобного даже вообразить было нель-

зя. Всемогущие и вездесущие Тени никогда еще не подводили. А тут...

Стараясь скрыть растерянность, я повторил, но уже настойчивей:

– Кто вы? И что вы сделали с роботом?

Глаза, что смотрели на меня из тени, моргнули, а затем... Я даже не толком не понял, что произошло. Казалось, будто на меня рванул синий смерч. Стремительный и неукротимый.

Позорно вскрикнув, я инстинктивно дернулся назад. Со всем забыл, что позади лежал робот. Наткнулся пяткой на его голову, соскользнул и начал заваливаться назад.

Вот только рухнуть на пол мне не дали.

Дикое и неимоверно проворное, будто призрак, существо, ухватило меня за грудки и потянуло на себя и бросило в объятья статуи.

Фонтаны искр рассыпались внутри головы от соприкосновения с холодным мрамором. Звон в ушах напомнил колокольный, а во рту ощущался вкус крови. Все вокруг почему-то замедлилось и стало каким-то мутным.

Страх, боль, растерянность – ерунда. Вот злость – дело другое. Сплюнув на пол кровью, я упрямо попытался встать на ноги. Надо же было дать отпор! Корчась и кряхтя, я кое-как успел развернуться, но тут опять оказался подброшен в воздух и с силой опущен на перила. Отчетливо затрещали ребра. Не помню, кричал ли. Наверное, да. И громко. Про-

бывал отползти от края галереи, но мне и этого не позволили. Нападавший, кем бы он ни был, оказался чудовищно силен, причем не только физически, но и ментально. Все это время, пока меня швыряли, точно тряпичную куклу, я пробовал прорваться в его разум, надеясь уничтожить, но не мог преодолеть стену, броней защищавшую его. Я так и не различил его черт, даже когда меня еще раз подняли в воздух и просто выбросили вниз, словно мусор.

Полет на первый этаж показался вечностью, хотя на самом деле, к этому моменту сознание уже покинуло меня, и крайне неприятное столкновение с каменным полом почувствовало только тело.

Глава 5

Завтрак в постель

Сознание возвращалось приливами, из-за чего я, то приходил в себя, то снова отключался, при этом, не сознавая, где нахожусь, чувствуя лишь блаженную легкость, с которой и пребывал во сне. Боли не ощущалось.

По крайней мере, пока.

Я понимал, что лежу на чем-то холодном и жестком. Пытался пошевелиться, но сил не хватало даже на то, чтобы просто открыть глаза. Урывками вспыхивающая память подкидывала различные детали произошедшего, вслед за чем стало потихоньку возвращаться и ощущение реальности.

И боль, тупая, ноющая во всем теле. Чувство было такое, будто меня долго-долго сминали и раскатывали, точно пластилин.

Чуть позже вспомнилась и опасность. Сразу представилось, как некая размытая тень, вволю наигравшись, сбросила меня с балкона на монохромный пол холла, а я даже не смог оказать ей сопротивления. Никакого. Позор для лейра. Я попробовал пошевелиться опять, но малейшее движение вызывало приступ, заставлявший меня громко стонать.

Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как я от-

ключился? Час? Или может два? И где сейчас это нечто?

Я попытался прислушаться, но вокруг стояла замогильная тишина – ни звука, если, конечно, не считать звона в моих собственных ушах. Где была теперь эта тварь, я не имел понятия, и от осознания этого в купе с собственной беспомощностью едва опять не провалился в забытье.

Чувство самосохранения визжало, что надо как можно скорее обратиться.

Сжав зубы, чтобы не закричать, я попытался сесть, вот только тело отказывалось подчиняться. Не знаю, вроде бы в тот момент я молчал, и все-таки стон со стороны слышался. Было очень холодно, и страх все больше стал овладевать моим разумом. Ужасно хотелось открыть глаза, но и тут ничего не получалось.

– Думаю, он скоро придет в себя, – раздался рядом голос, который я узнал сразу, низкий и с хрипотцой, голос госпожи Бабор. – Просто удивительно, как ему удалось свалиться с такой высоты и ничего себе не сломать. – Женщина говорила очень тихо, но, судя по интонации, была в крайней степени взволнованна. Меня это одновременно и удивило, и позабавило. Вот уж от кого не ожидал сочувствия.

– Действительно.

Едва я услышал этот спокойный и мощный баритон, страх перед неизвестностью мгновенно исчез. Появление Аверре приободрило. Вот уж не думал, что когда-нибудь буду рад собственному наставнику.

– Как он умудрился-то? – продолжала кудяхтать госпожа Бабор, зачем-то ощупывая мой лоб. – Не сам же оттуда сиганул?

– Едва ли, – пробормотал Аверре.

– Тогда что случилось, по-вашему?

– Полагаю, выясним, когда он сам расскажет. Кстати, он приходит в себя. Сет, ты меня слышишь? – Вопрос, заданный прямо в ухо, по ощущениям должен был разорвать мой мозг, таким гулом он отозвался в голове.

Поморщившись, я вновь попытался распахнуть глаза и на этот раз мне это удалось. Сначала слишком яркий свет на время ослепил меня, заставив зажмуриться, но немного привыкнув, я уже смог различать над собой два темных силуэта. Почти все силы ушли на то, чтобы сказать: «Да», причем получилось слабее и тише, чем писк новорожденного кутенка.

– Мадам, прошу вас, отдайте распоряжение, чтобы моего помощника перенесли в номер, – попросил наставник.

– Сию минуту, мастер Аверре. Но разве ему не нужен доктор?

Я все еще моргал, пытаюсь увеличить резкость восприятия, в то время как Аверре обдумывал предложение хозяйки.

– Если у вас найдется медицинский робот, пусть сделает ему инъекцию обезболивающего со снотворным. Об остальном я позабочусь.

Как ни старался я взять себя в руки, сознание ускользну-

ло, точно склизкий угорь, опять утащив меня в темноту.

Очнулся я уже в номере, лежа в кровати под одеялом, на горе пуховых подушек. И на этот раз пробуждение оказалось не таким болезненным, как прежде. Слегка приподнявшись, я огляделся. Портьеры на окне были широко раздвинуты, позволяя солнечному свету беспрепятственно литься в комнату. На ночь это совсем не походило, отчего я вновь задался вопросом, сколько времени провел на полу фойе. Голова гудела по-прежнему, а к телу как будто привязали груз весом в сотню килограммов, но сознание все-таки покидать пока не торопилось, а это уже не могло не радовать.

В комнате я находился не один. Рядом суетился, создавая до неприличия много шума, робот-медик необычной модели. Выглядел он даже хуже, чем я. Удивительно, как это с него еще не сыпалась ржавчина. Составляя какие-то непонятные диаграммы, он что-то деловито вводил голографические записи, в промежутках совершая странные пассы своими культяпистыми конечностями. Надо думать, так он проводил осмотр.

– С возвращением, господин, – проговорил он скрежещущим голосом. – Пожалуйста, дайте описание вашему состоянию.

Лейры всегда были не совсем обычными существами из плоти и крови. Многое отличало нас от нормалов, и потому к методам традиционной медицины мы не питали большого

доверия. Едва ли пятисотлетняя рухлядь, выдающая себя за медика, была в состоянии догадаться, что со мной не так, даже если бы потратила на изучение весь отпущенный металлу срок. Я понятия не имел, для чего Аверре решился приставить ко мне врача, а потому недовольно буркнул:

– Нормальное.

Зеленоватые фоторецепторы робота мигнули. Кажется, он удовлетворился ответом.

– Общее состояние стабильное. Серьезных повреждений, угрожающих жизни, нет. Гематома в затылочной части уменьшилась. Множественные ушибы по всему телу. Отмечается понижение артериального давления, как результат послеобморочного состояния. Поздравляю, господин Эпине, вы идете на поправку. Пожалуйста, вытянете вашу левую руку для инъекции.

Я недобро сощурился. К автоматическим механизмам я всегда относился с большим подозрением, чем к существам из плоти и крови, – своеобразная форма легкой фобии, о которой я всю жизнь предпочитал помалкивать. И последнее приключение вовсе не подвигло меня думать о роботах лучше. При воспоминании о минувшей ночи, у меня сразу же участилось сердцебиение.

Почувствовал это, разумеется, и механический врач, и, раньше, чем я успел увернуться, принялся тыкать в меня своими датчиками и сканерами.

– Вам следует успокоиться, господин, – приговаривал

он. – Пожалуйста, постарайтесь держать себя в руках. Чтобы это ни было, опасность миновала. Все хорошо.

Но разве можно было доверять лишенному всякой индивидуальности и человечности механизму? Не так-то легко выкинуть из головы, что чуть не расстался с жизнью из-за такого же неодушевленного автомата. И пускай глупо обвинять в собственных неудачах робота, который всего лишь выполнял обязанности, не проводить причинно-следственную связь между ним и тем, что чуть не расстался с жизнью, я не мог. Не приди мне в голову любопытства ради выяснять, что там стучало наверху, ничего бы и не произошло.

И, все-таки, механизмы всех мастей я теперь ненавидел больше прежнего.

Не став дожидаться, когда я протяну руку для укола, робот ухватил меня за запястье цепким манипулятором и быстро воткнул в вену пневмошприц. Я не знал, что именно это было, но практически сразу же ощутил, как нахлынувшая паника и чувство беспомощности начали понемногу отступать.

– Успокоительное?

– Вы перевозбуждены, господин, – ответил робот, отодвигаясь от кровати. – Для скорейшего выздоровления, вам противопоказаны любые волнения.

Много он понимает!

– Как долго я пробыл в отключке?

– Тридцать два стандартных часа с того момента, как вас нашли, – последовал бесстрастный ответ.

– Сколько?! – я едва не подпрыгнул на постели. – Где мастер Аверре?

– Он навестил вас сорок семь минут назад, – отозвался робот, при этом вид у него был такой (Я не подозревал о том, что механизмы способны выражать эмоции лицевой панелью, но готов был поклясться, что так и было), будто прикидывал, не стоит ли вкатить слишком буйному пациенту дозу побольше.

– Позови его, – сказал я.

Медик не шелохнулся.

– Вам лучше отдохнуть.

– Позови его! – повторил я. – Мне надо срочно переговорить с ним.

Но робот уперся и не собирался отступать:

– Для разговоров еще будет время, господин, а сейчас вам необходим покой и здоровый сон.

Это был тот самый момент, вернее, один из таких, когда я, наплевав на все Батуловы запреты, готов был раскрыть истинную сущность и разобрать обнаглевшую железку на детали. Хотя, если вдуматься, в моем нынешнем состоянии едва ли хватило бы сил сдвинуть хоть перышко. Та сила, та неосязаемая для обывателей энергия, управлять которой я привык, как всегда циркулировала вокруг, но ускользала между пальцев, точно речная водица.

– Ладно, – проговорил я многозначительно. – Я его сам найду.

Собрав волю в кулак, я кое-как заставил себя откинуть покрывало. Отсутствие одежды совсем не беспокоило. Медик тут же вскочил наперерез, стремясь уложить меня обратно на кровать. Мы сцепились – два неуклюжих чурбана. Физическое превосходство робота было очевидным, но я упрямо извивался, продолжая попытки проскользнуть у него подмышкой, как вдруг входная дверь открылась и в комнату кто-то вошел.

Раздавшийся вдруг удивленный возглас заставил нас застыть и разом повернуть головы к выходу.

К моему ужасу и позору, на пороге оказалась та самая девушка, что обещала принести мне ужин. Держа в вытянутых руках поднос с двумя тарелками, она уставилась на меня и на робота в немом изумлении, слегка приоткрыв рот, и всеми силами пыталась сдержать рвущийся наружу смех.

В более дурацкой ситуации мне еще оказываться не доводилось. Желая провалиться сквозь пол, я, сам не знаю с откуда взявшейся силой, оттолкнул от себя механического доктора и, сорвав с кровати покрывало, натянул его по самый подбородок. Боясь даже подумать о том, что именно девушка могла за это время разглядеть, я лихорадочно сообщал, как бы поскорей стереть досадное недоразумение из ее памяти.

Но, увы. Все, что мог, это, в переносном смысле, метать глазами молнии и злобно шипеть.

– Предупреждать надо!

Девушка не ответила. Более того, вообще никак не отреагировала. Даже не смутилась. Просто стояла и смотрела, с таким видом, словно пару секунд назад перед ее носом пролетело насекомое, не слишком назойливое, но вполне омерзительное.

Я придумывал, что еще такого сказать, лишь бы стереть почти надменное выражение с ее лица, но тут к кровати, жужжа сервомоторами, возвратился мой чудо-лекарь.

– Это было вовсе необязательно, – деловито прокаркал он.

– Нечего было лезть, – мстительно ответил я и переключил внимание на наглуую девчонку: – Насмотрелась?

Та только пожала плечами и гадко усмехнулась.

– Было бы на что.

Я ощутил, как краска стыда заливает лицо, однако девушку это, похоже, не больно-то и беспокоило. Преспokoйно обойдя кровать, она опустила поднос на рядом стоящую тумбочку. В одной миске плескалось нечто желтое и жидкое, испускающее густой ароматный пар, на второй лежала какая-то зелень.

Ни особого голода, ни доверия к местной пище я с некоторых пор не испытывал и, подавшись вперед, брезгливо рассмотрел содержимое супницы.

– Что это?

– Ваш завтрак.

Закутанный в покрывало, точно в тогу, я вернулся на кровать и откинулся на подушки.

– Я этого не просил.

Девушка нахмурилась.

– Это то, что рекомендовал доктор.

С недоверием сузив глаза, я кивнул в сторону робота:

– Этот что ли?

Скрестив на груди руки, девушка кивнула, добавив:

– Мастер Аверре просил передать, что завтрак надо съесть

полностью. Думаю, в этом-то он разбирается.

Я хотел сказать, что мне плевать, на чем там настаивает мастер Аверре и в чем он разбирается, да передумал.

– Позови его.

Если честно, я и сам понял, что просьба больше напоминала приказ, но был не в том состоянии, чтобы соблюдать условности.

Впрочем, девушка явно придерживалась иного мнения. Нахмурив очаровательные бровки и сверкнув прелестными глазками, она тихо и с угрозой переспросила:

– Что ты сказал?

Этот резкий переход на «ты» яснее прочего намекал, что моя фраза задела ее за живое. Может, с моей стороны это и выглядело по-хамски, ни малейшего угрызения совести я не испытал. Да и с чего бы? Я – лейр. А она кто?

Так что пришлось повторить, с ухмылкой (а то как без нее?):

– Я сказал, позови его. – И добавил: – Плохо расслышала или у вас тут весь персонал заторможен?

Надо сказать, что я сразу пожалел о собственной несдержанности. Едва слова сорвались с языка, как на лицо и грудь полетело содержимое обеих тарелок. Еле теплое, и на том спасибо. Пустые тарелки грохнулись на пол, а возмущенная до глубины души девушка, стремительно прошагала к выходу.

У двери, взявшись за ручку, она обернулась, взмахнув черной косой, и яростно прошипела:

– Я тебе не служанка!

Отплевываясь и чертыхаясь сквозь зубы, я потянулся за салфеткой с подноса, когда в комнату, едва не столкнувшись с наглой девчонкой, вошел Аверре собственной персоной. Заметив меня, с головы до ног залитого супом и присыпанного салатом, наставник перевел взгляд на виновницу этого дела и просто-таки расцвел в милейшей улыбке.

– Лита, дорогая, благодарю вас за помощь.

– Не стоит, мастер Аверре, – ответила девица, при этом старательно пытаясь испепелить меня взглядом. – Мне было нетрудно.

Я, разумеется, тут же вернул ей взгляд с процентами.

– Вижу, вы нашли общий язык, – подойдя ближе к кровати, добродушно заметил наставник.

Лита хмыкнула и скрылась за дверью.

Дождавшись, когда она скроется, я, не собираясь смущаться наставника, резво вскочил с постели, напрочь позабыв о всяком недомогании. Срочно хотелось отправиться в

ванную и привести себя в должный вид.

– Лежите, сэр! – попытался остановить меня робот.

– Отцепись!

Аверре испустил неопределенный полувздох и проговорил:

– ЭС-8, ты свободен. Я сам здесь управлюсь.

Робот подчинился беспрекословно, исчезнув из комнаты прежде, чем я успел сесть на кровать. От слабости и злости меня все еще знобило. Схватив чистый конец покрывала, я попытался стереть с лица остатки завтрака, одновременно прикрывая срам.

– Потрясающее зрелище, – сказал Аверре, пройдясь к окну и выглянув наружу. Что конкретно он имел в виду, я не совсем понял. – Вот тут пропустил, – добавил он, показав на левую щеку, оглянувшись ненадолго. – Так-то лучше. Ну и как она тебе?

Еще спрашивает! Да при одном только воспоминании об этой Лите сжимались кулаки, и я заново покрывался краской раздражительности. Мало того, что явилась без стука, застав меня в чем мать родила, так еще и облила с ног до головы!

– Милое создание, – съехидничал я.

Странно, но слова и тон, Аверре как будто удивили.

– Хм. А я не ожидал, что ты такой.

Я уставился на наставника, будто на сумасшедшего:

– Какой такой? Она всего лишь простолюдинка с замашками королевы. Что мне, теперь перед ней стелиться прика-

жете?

Аверре прищурился:

– По-твоему, лучше вести себя, как последняя скотина? Так, словно она – человек второго сорта?

– Она явилась не вовремя и без стука! Я вспылел, не отрицаю, но она сама виновата!

– И, правда, – недобро усмехнулся наставник. – Как смела какая-то простолюдинка потревожить покой великого элиэра?

– Что? Я вовсе не... – Я тряхнул головой. – При чем тут это?

– Притом, что ты, так или иначе, считаешь себя лучше! И не только в сравнении с ней, но и с любым нормалом. Бавкида из кожи вон лезет, лишь бы вдолбить в ваши неокрепшие умишки, насколько вы лучше прочих. А что дает вам право так думать? Считаешь, раз ты обладаешь силой, недоступной другим, то это автоматически ставит тебя на ступень выше всякого простого смертного?

Под испытующим взглядом Аверре было трудно не ответить взгляда, и все-таки я устоял.

– Хотите сказать, что это не так? – Обвязав покрывало вокруг талии, я поднялся с кровати. Ноги дрожали, ну и пусть. – Похоже, вы слишком много времени провели среди нормалов, чтобы видеть разницу.

– А ты слишком мало, чтобы мне на это указывать. – Аверре не повышал голоса, но чувствовалось, что он готов выйти

из себя.

Но, закусив удила, я уже не мог остановиться.

– Вот как? Мы только прилетели, а вы уже заставили меня вести себя, как они. Сами сказали, насколько они боятся и ненавидят нас. Так почему я должен питать к ним уважение и любовь, если они не позволяют мне быть самим собой?

Я полагал, теперь-то хладнокровие великому мастеру изменит, но он, вдруг почему-то поникнув, лишь устало проговорил:

– Мне искренне жаль, что Сол не решилась открыть мне твое существование. И жаль, что ты был слишком мал, чтобы слова и идеи, которые она всю жизнь несла в своем сердце, могли закрепиться в твоём. Жизнь в Цитадели помогла тебе развить особые умения и навыки, но морально твою душу разложила. Вы все обитаете в собственной вселенной и судите о мире вокруг лишь по картинкам. Вы видите всё черным и белым, в то время как реальность обладает множеством оттенков. Я думал, ты это понимаешь...

Выдержать его взгляд оказалось трудно, так что я опустил глаза в пол.

– Любой нормал это потенциальный лейр, – продолжил Аверре. – В каждом разумнике скрыт ключ, что открывает двери к неиссякаемому источнику Теней. Так что это вовсе не твоя привилегия. Почему же ты считаешь, будто Лита хуже тебя, если, по сути, на твоём месте могла оказаться и она? Не суди кого бы то ни было по имени и статусу, Сет. Цени

людей за их поступки.

Я мог и не согласиться с тем, что он только что тут наговорил. Быть лейром – не привилегия? Пробуждение способностей, может, напрямую и не зависит от нас, но достижение высот в знании и умении подчинять себе потоки Теней исключительно заслуга каждого алита. Мои навыки дались мне вовсе не так легко, как может показаться. Чтобы стать тем, кем я стал, пришлось приложить массу усилий, сутками корпеть над учебниками, изводить себя морально и физически упражнениями, от которых у любого нормала голова взорвалась бы. И это не дает мне права считать себя лучше? А что тогда дает?

– Вы сами сказали Бавкиде, что считали мою мать исключительной. В чем же разница?

– А разница в том, мой дорогой юный упрямец, – ответил Аверре, – что Сол всегда оставалась исключением из общих правил. Ни одни рамки не были ей в пору, потому что, в первую очередь, она всегда оставалась человеком, я сейчас о широком смысле этого слова, а уже потом выдающимся ученым, матерью и лейром. Но тебе до нее как до звезд.

Обвинения задели меня за живое, но и не отметить справедливость некоторых его слов я не мог.

– Как я погляжу, Лита смогла оказать тебе достойное сопротивление, – заметил наставник, неожиданно подмигнув. – И даже, несмотря на то, что вовсе не лейр. Кстати, забыл упомянуть, ведь она дочка госпожи Бабор. Так что на

твоём месте вел бы себя повежливее. А еще принял бы ванну. Уверен, ты достаточно пришел в себя, чтобы сделать это самостоятельно. Верно?

От одной мысли, что мне стал бы кто-то помогать, я вздрогнул.

– Вот и прекрасно. – Он широко улыбнулся. – Приводи себя в порядок и спускайся в вестибюль.

– Зачем? – Вопрос, может, того и не стоил, но любопытство родилось вперед меня.

– Пока ты пребывал вне своего физического тела, я успел договориться о встрече, – ответил наставник.

Надо же.

– И с кем?

Аверре снова нахмурился:

– Слишком много вопросов, юный Сет. – Но пояснил: – С потомком легендарного генерала. С кем же еще? Графский род Занди до сих пор управляет системой Боиджи. Нам повезло, что мою просьбу об аудиенции удовлетворили. Граф не очень жалуется залетных гостей и, к тому же, поговаривают, что он не совсем здоров в ментальном плане.

Тут уж я сильно удивляться не стал.

– По-моему, это отличительная черта всех местных жителей. Но я думал, вас заинтересует, что со мной случилось?

– Верное предположение, Сет. Можешь не волноваться, время разобраться с этим нам еще представится. А пока, марш умываться.

Глава 6

Откровенность

Тридцать минут спустя я был готов к работе. «Готов», конечно, слово чересчур громкое. Провозившись с верхней одеждой, я все-таки сумел втиснуть себя в брюки и рубашку. Что стало с моим прежним нарядом оставалось загадкой. Возможно, его отправили в чистку или просто выбросили. В любом случае, особо я не переживал: все, что могло беспокоить меня, это напульсник, а он сейчас находился там, где положено – на моем запястье. К зеркалу я подходить побоялся. Подозревал, что выгляжу не лучше утопленника и лишний раз нервировать себя не стал. Только капюшон на голову набросил. Чтоб подчеркнуть мрачность образа.

Спустившись вниз, я, не без внутренней дрожи, миновал лестницу на второй этаж. Смотреть в ту сторону совсем не хотелось, и все же взгляд против воли, точно магнитом притягивался к злополучному балкону. Сейчас в окна бил чистый утренний свет, но в голове еще отдавалось эхо пугающих, монотонных ударов. Я на секунду застыл, погрузившись в воспоминания. Подробная ретроспектива случившегося пронеслась перед глазами, призраком. Таким же размытым и пугающим синевой глаз...

– Наконец-то, Сет! – оклик Аверре вырвал меня из неглубокого забытья.

Я повернулся на голос. Наставник восседал в одном из больших плетеных кресел, расставленных полукругом. Закинув ногу на ногу, он премоило улыбался госпоже Бабор, расположившей собственные телеса напротив. Удивительное дело, но хозяйка гостиницы сияла добродушием, будто Аверре ее зачаровал. Непостижимая для ума метаморфоза! Сам же наставник... Я и представить не мог, что он способен с кем-то вот так флиртовать! Почему-то подобное казалось мне настолько же невероятным, как Бавкида, исполняющая непристойные песенки в середине лекции. Ужас!

– Я ожидал большей оперативности, – извинившись перед госпожой Бабор, укорил меня наставник.

– Да будет вам, мастер Аверре, – неожиданно вступилась хозяйка гостиницы. – Простите бедному мальчику его неторопливость. В конце концов, можно ли его винить за это? Пережить такое! Подумать только! Я удивлена, что он вообще может на ногах стоять.

Растерявшись больше прежнего, я хлопал глазами и не знал, что ответить. Быть может, мысли мои работали и недостаточно резво, но когда это я умудрился попасть в параллельную вселенную?

– Не слишком ли рано вы поднялись с постели, молодой человек? Только взгляните, как он бледен! Мне кажется немилосердным заставлять его заниматься какими-то дела-

ми, когда мальчик еще не совсем оправился. – Голос госпожи Бабор было полнился участием, но вот глаза – я был достаточно близко, чтобы заметить это, – оставались холодными, точно мертвая планета. Я ей по-прежнему не нравился, и это возвратило мое мироощущение в норму.

– Я в порядке. Спасибо.

Если мой ответ и показался ей сухим, госпожа Бабор ничем не дала этого понять. Выражение неискренней заботы приклеилось к ее лицу, точно маска.

– Кстати, юноша, уверена, нам всем было край любопытно узнать подробности произошедшего с вами инцидента. Как же вы умудрились перевалиться через перила? Мне всегда казалось, что они у нас достаточно высоки, чтобы исключить возможность несчастного случая.

Я осторожно глянул на Аверре. Тот, являя собой полнейшую невозмутимость, чуть заметно качнул головой.

– Я не очень хорошо переношу высоту, – соврал я, не моргнув глазом. – Видимо, голова закружилась.

Хозяйка гостиницы подозрительно сощурилась:

– Хорошо же вас, юноша, помотало, учитывая, что вы были весь в крови. Я, может, и не специалист, но от падения такими травмами не обзаводятся. – Хитрый и пристальный взгляд вгрызался в меня, точно сверло.

– Верно, – встрял наставник. – От падения, как правило, ломают шеи. Нам еще повезло, что он так удачно приземлился.

– Это точно.

Госпожа Бабор рассмеялась.

Аверре посмотрел на свой наручный хронометр и объявил:

– Ну, пора выдвигаться. За нами должны прислать транспорт, и, если я не ошибаюсь, то он уже здесь. Идем, Сет. Мадам, до новой встречи.

– Счастливо вам с вашими делами, мастер Аверре, – пропела та.

Наставник подтолкнул меня в сторону выхода, но я так и остался на месте. Нечто, похожее на наитие, не давало мне покоя, кольнув в бок раскаленной иглой.

– Одну минуту.

Игнорируя озадаченные взгляды, я насколько мог быстро взобрался вверх по лестнице. Ступив под тени статуй, я огляделся в поисках места, где лежал робот. То, что его там уже не оказалось, сюрпризом, конечно, не стало, но все же маленькая надежда была. Эх...

Я подошел к краю балкона и, чуть перегнувшись через перила, спросил госпожу Бабор:

– А куда дели уборщика? Он тут лежал, когда я... упал.

– Его убрали, конечно, – прокричала снизу хозяйка гостиницы. – Наш местный техник осмотрел его и сказал, что робот не подлежит ремонту. Пришлось отправить его на списание. Что-то не так?

– Да нет, – откликнулся я, вновь поглядев на то самое ме-

сто, где отчетливо виднелось въевшееся пятно машинного масла – кое-кто не особенно затруднялся с чисткой. – Все в порядке...

Голова еще гудела ульем и мысли не желали приходить в порядок, но одна все же сумела достучаться до дремлющего сознания: нападавший вывел из строя робота, чтобы привлечь мое внимание! Я попытался припомнить момент, когда нашел уборщика. В затылке того торчала тонкая иголка, явно чуждая автомату. Вдруг эта иголка сможет навести на след нападавшего?

Лелея призрачную надежду на чудо, я, точно как в тот раз, присел на том самом месте, где лежал робот и постарался как можно внимательней все осмотреть. Со стороны это, должно быть, выглядело настоящим помешательством, но Аверре и Бабор меня видеть не могли, так что все равно. Все мысли сосредоточились на иголке.

– Сет?! Что ты там делаешь? – крикнул наставник. – Нам пора ехать. Опаздывать нельзя!

Но мне на его дела было плевать. По крайней мере, в тот момент. Себя я знал достаточно хорошо, чтобы понимать – успокоиться не смогу, пока не узнаю, кто и зачем со мной это сделал.

Словно ищейка я ползал по балкону, выглядывая и вынюхивая любые следы, которые мог бы оставить неизвестный со светящимися глазами. В общем-то, для меня это не было совсем уж в новинку. Элийры в Ордене – народ особый. На

боевую подготовку и прочие навыки, связанные с разрушением, мы тратим минимум времени, занимая основную его часть развитием умений ментальных. Но был еще специальный курс, на котором таких, как я, готовили для задач, схожих по специфике со следственной. Из курса я знал, что, каким бы изощренным ни казался преступник, следы, по которым его можно вычислить, он всегда оставляет. Поэтому-то я так упорно выискивал, надеясь, что справедливость этого утверждения не окажется ложной.

Видимо, удача была на моей стороне. Или проведение. Судьба. Называйте, как нравится. Так или иначе, я обнаружил то, что искал: маленькая, длиной чуть больше двух пальцев, и тонкая, настолько, что легко и десять раз пройти мимо, иголка. Она преспокойно лежала на постаменте одной из статуй, возможно, упала, когда робота переносили. В тени большого пальца правой ноги ее почти не было видно, но мне повезло. Достав из-за пазухи сложенный платок, я, не собираясь касаться ее руками, силой воли заставил иголку перелететь с мрамора на кусочек ткани. При более детальном рассмотрении догадки лишь подтвердились – она и впрямь выглядела, как нечто растительного происхождения и не иголка даже, а, скорее, шип растения, которым могли пользоваться...

– Сет!

– Иду, мастер!

Быстро спрятав улику во внутренний карман, я, стара-

ясь не выглядеть слишком возбужденным, спустился вниз. Аверре и мадам Бабор подозрительно смотрели на меня. Возможно, сомневались, действительно ли не повредило падение мне мозги. Я выдавил улыбку.

– Что ты там искал? – спросил наставник.

– Ничего.

– Точно?

Его пристальный взгляд был похож на лезвие ножа, но я остался непробиваем.

– Конечно.

– Хорошо. Идем тогда.

Раскланявшись с мадам Бабор, мы поспешили покинуть отель.

Оказавшись на улице, я вдохнул приятный утренний воздух и сделал вид, будто радуюсь солнцу. Я чувствовал, Аверре продолжает исподтишка наблюдать за мной, и как мог, старался дать ему понять, что ничего необычного не нашел.

Ночью, наверное, был дождь, и запах цветов стал особенно густым, приятным и умиротворяющим. Находка значительно прибавила мне жизненных сил, а утреннее солнце, выглядывая из-за кучевых облаков, приятно пригревало, наполняя нетерпением и предвкушением грядущего расследования. Если бы еще не то самое чувство тлена, преследующее меня на Бойджи, куда ни ткнишь, я бы, пожалуй, и впрямь начал наслаждаться поездкой.

Быстро сбежав на тротуар, вслед за мастером, я поглядел

на него в немом вопросе. Такси, которое, как он утверждал, давным-давно нас заждалось, нигде не было видно.

– Ну и?.. – начал было я, но Аверре поднял ладонь в знак молчания.

Забавно хмурясь, он не спеша осмотрелся, затем остановил свой взор на припаркованном у обочины за два здания от отеля сверкающем аэрокаре. Роскошная машина парила рядом с цветущим кустарником, подле которого сидел не совсем обычного вида мект⁹. Он едва не обнимал несчастное деревце, утопив в его щедро усыпанных ярко-бирюзовыми цветами ветвях скуластое и покрытое мелкими красно-коричневыми чешуйками лицо. Выглядело это не то, чтобы странно, но вызывало некоторую оторопь. А главное, никто из прохожих даже не обращал на него внимания. Приглядевшись внимательней, я заметил, что разумник вовсе не наслаждается ароматом, как можно было подумать, а своим гибким и проворным языком быстро слизывает с цветков пыльцу.

– Вот и наша машина, – сказал Аверре, поманив меня за собой в сторону мекта. – И наш пилот.

– Что это он там делает?

– Это райс, – пояснил наставник. – Мекты весьма неравнодушны к пыльце этого растения. Для них она, своего рода, наркотик или дурман. На их родной планете райс в большом дефиците. Здесь же у жителей на все запреты свои взгляды.

⁹ Мекты – рептилоподобные уроженцы системы Дейфи.

Тут это растение используют в качестве декоративного цветка. Все остальное никого не волнует. Кроме самих мектов. Поэтому-то их тут так много.

Каким-то чудом заметив нас, мект с большим усилием оторвался от клумбы и вперил в нас помутневший взгляд кроваво-красных глазок. На то, чтобы поймать фокус ему потребовалось некоторое время и когда его вертикальные зрачки закрепились на наших лицах, он заговорил высоким юношеским голосом:

– Мастер Аверре, я ожидал вас. – Поклон. – Его светлость отправил меня сюда, чтобы я проводил вас и вашего спутника в замок.

Аверре кивнул и обернулся ко мне:

– Познакомься с Измой – это личный слуга и ближайший помощник его светлости.

Я вежливо поздоровался. Удивление от того, что граф держит у себя на службе наркомана, быстро сменилось тем, что Аверре был с ним, как видно, неплохо знаком. Не удержавшись, я незаметно прощупал ментальную ауру этого типа. Тени в его присутствии несколько изменяли частоту колебаний, но в сущности ничего необычного не показали.

Отойдя от клумбы, Изма открыл заднюю дверь флаера, проговорив:

– Граф согласился обсудить ваш вопрос, но просил передать, что его время сильно ограничено, так что, будьте любезны, занять свои места.

Большого желания усаживаться в машину, за штурвалом которой окажется одурманенный наркоман, я не испытывал и потому ждал, что Аверре откажется. Но тот, видимо, ничего предосудительного или опасного в этом не видел и спокойно забрался на одно из задних сидений.

Стоило отметить, что летательный аппарат графа фактически ничем не отличался от своих собратьев, распространенных по всей галактике: аэродинамичный, вместительный и, без сомнения, очень дорогой.

Дождавшись, когда и я займу место, Изма, оскалив острые мелкие зубки в широкой улыбке, взялся за штурвал. Мягко загудели антигравы, машина плавно приподнялась над брусчаткой и затем, повинувшись действиям пилота, резво сорвалась с места.

– Далеко отсюда до замка? – спросил я, когда мы понеслись по улицам. Как и везде в черте города, меройские правила движения запрещали подниматься над дорогой выше, чем на пять метров.

– Нет. Всего минут десять, – охотно откликнулся мект. – Мероэ специально строился таким образом, чтобы все его кварталы располагались спиралью вокруг одной единственной точки – самого замка. Его шпиль отсюда видно. Вон он. – Изма ткнул когтистым пальцем в лобовое стекло.

Проследив направление, я сразу понял, о чем он толковал: высоченные пики замка Занди сверкали на солнце, словно мачты древнего корабля. Великолепный представитель архи-

текстурной мысли, он неоспоримо доминировал над прочими зданиями, ослепляя своим мрачным величием и внушая трепет одним лишь видом. Даже столица Риомма не могла похвастать чем-то столь внушительным, а это уже о многом говорило.

По мере приближения к замку, улицы становились все шире, а дома – роскошнее, но ничуть не новее. Даже в центральных проспектах Мероэ чувствовалось отчуждение. Народу было много, – как Аверре и говорил, мектов и впрямь едва ли не больше, чем всех остальных рас вместе взятых, – и лавочек, торгующих всякой всячиной, но кипения жизни не ощущалось. Меройцы влачили своё существование по привычной, давно наезженной колее, и делали все спустя рукава, по инерции. Даже в детях не виделось того огонька, что обычно зажигает их глаза неуемной жаждой приключений и познания.

Они вымирали.

От одной только мысли об этом, всякое желание любоваться местными красотами пропадало. В чем толк, если все вокруг, точно декорации низкопробной пьески? Ничего настоящего, один только фарс. А теперь представьте, что вам подвластно видеть души людей со всеми тусклыми, серыми, как сама их жизнь, мыслями... Бррр...

Несмотря на не вполне вменяемое состояние, Изма прекрасно справлялся с обязанностями пилота, управляя машиной со сноровкой заправского гонщика. Пока он выкручивал

штурвал, срезая углы на особо крутых поворотах, я то и дело поглядывал на Аверре, прикидывая, какие думы вызывал у него Мероэ? Он сидел, уставившись в окно с отрешенным видом, погруженный в глубокие мысли. Хоть мастер и пообещал, что уделит тому «несчастному» случаю внимание в более подходящее время, что-то подсказывало, особого интереса у него это не вызывало. Что, само по себе, уже казалось странным. Либо на Бойджии принято нападать на людей в любое время дня и ночи, либо Аверре было известно больше, чем он хотел показать.

Даже более чем странное поведение горожан не могло склонить меня к первому варианту. Наставник явно что-то знает, но почему не говорит?

Пока я пытался разобраться в причинах и следствиях, Изма остановил флаер у края рва, окружавшего замок со всех сторон. Оказалось, великий генерал Занди возвел свое жилище на скошенной вершине крутой скалы, сделав его центральной достопримечательностью города, но при этом совершенно изолированной от него. Ни мостов, ни линий, ни каких других видимых соединений, способных провести через ров не наблюдалось. Но флаер-то наш летал, так что следующий мой вопрос оказался вполне логичным:

– А что мы стоим?

– Ждем, когда нам разрешат лететь дальше, – отозвался Изма, вводя данные через бортовой компьютер. – Все воздушное пространство над замком находится под круглосу-

точным наблюдением. Любое несанкционированное вторжение на территорию автоматически активирует систему обороны. Без пропусков мы не сможем двигаться дальше.

– А разве у тебя нет особого допуска? – поинтересовался Аверре.

– Конечно, есть, мастер, – кивнул мект. – Я оговорился: пропуска нужны вам. Охрана должна быть уверена, что вы не замышляете худого.

Я удивленно посмотрел на наставника.

– Как мило. Не знал, что тут все настолько серьезно. Кого или чего так опасается граф?

От необходимости отвечать Изму избавил донесшийся из внутреннего динамика металлический голос. Из замка сообщили, что пассажиры, то есть мы, могут следовать ранее заданным курсом. Вдавлив до упора рычаг акселератора, Изма стартанул через пропасть.

Его нежелание отвечать на первый вопрос, возбудило во мне упрямое стремление разговорить мекта во чтобы то ни стало. Не зная, одобрит ли это Аверре, я собирался слегка подтолкнуть преданного слугу к некоторой откровенности. Совсем не лишним будет знать, что собой представляет нынешний граф Занди. Но для этого необходимо сперва как-то посадить Изму на крючок.

Я проговорил:

– Столько мер предосторожности, будто это военный аванпост, а не резиденция.

Периферическим зрением я заметил, как воззрился на меня Аверре. Прознал ли он о моем намерении или просто почувствовал некие изменения, но я отчетливо уловил ухом его одобрительный смешок.

Ободренный этим, я осторожно надавил на разум одурманенного пылью райса Измы, подтолкнув его к разговору. Сколько раз доводилось проделывать подобный трюк над более слабыми ментально алитами, но, даже несмотря на это, я никогда не пренебрегал осторожностью. Любое слишком сильное воздействие на разум само по себе опасно, тем более, когда имеешь дело с расой, до этого тебе не знакомой.

– Его светлость не привык делиться соображениями с прислугой, – в ответ на мои слова вяло промямлил Изма.

Я чуть усилил натиск.

– Да брось. Уверен, ты преуменьшаешь свою значимость для графа. Едва ли в замке есть хоть кто-то, знающий его светлость так же хорошо, как и ты.

На самом деле бил я наугад, исходя только из собственных предположений. Изма вполне мог оказаться той самой личностью, которая проводила подле хозяина практически все свое время. Если верить книгам, у аристократов, особенно склонных к скрытности, всегда есть самые доверенные слуги. Так с чего бы Занди оказываться исключением?

Тонкий удар, подкрепленный убеждением, попал прямо в цель и мект заговорил:

– Все дело в том, что его светлость очень замкнутый чело-

век и предпочитает, чтобы его уединению никто не мешал.

И из-за этого возводить вокруг замка целые рвы и сети лазерных батарей? Весьма оригинальный способ оградить себя от окружающих. Вслух, конечно же, я этого не сказал, позволяя Изме, вцепившемуся чешуйчатыми руками в штурвал, говорить дальше:

– Знаю, это выглядит странно, но на то есть причины. Его светлость не совсем здоров, – последнюю фразу он словно выдал, как будто боялся слов, которые сам сказал.

Я искоса поглядел на Аверре, но тот упорно продолжал смотреть вперед, создавая видимость, что его тема совсем не интересует.

– Граф болен? Чем? – спросил я Изму.

– Никто не знает. Его показывали многим лекарям. Как-то раз даже из Риомма прилетал какой-то профессор – графские тетушки его вызвали, – но толку от этого оказалось чуть. Они все считали, будто это какой-то вирус. Они и сейчас так считают, думают, он умудрился подхватить его где-то в лесу. Ерунда все это. И болезнь совсем незаразная. У моего народа есть такое понятие: «душевная червоточина». Я раньше не представлял, что оно означает, а теперь знаю – ею страдает мой хозяин. Я вижу, как она поедает его изо дня в день, по чуть-чуть откусывая кусочки души и разума. Оно не всегда заметно, но я каждый раз чувствую, когда ему становится плохо.

В этот момент в психической ауре мекта проявились из-

менения. Мне удалось приоткрыть эмоциональную занавеску Измы и его чувства, против воли, просочились наружу. Я поймал его взгляд в зеркале заднего вида и увидел, что глаза полны слез. Тогда я понял, что даже если бы болезнь графа оказалась заразной и смертельной на сто процентов, его верный слуга все равно остался бы подле хозяина до самого конца. Это было больше, чем простая преданность. Это определенно была любовь.

Мне вдруг захотелось услышать полную историю этих двоих, но тут мы достигли внешних замковых ворот, где нас встречала графская гвардия. Вопросы пришлось на время отложить.

Я не знал, будет ли какой-то особый досмотр, и на всякий случай приготовился предъявить удостоверение, но, ни один из стражников не проявил, ни ко мне, ни к Аверре интереса большего, чем мог вызвать неодушевленный груз. Их волновал исключительно Изма, которого стражники, к моему удивлению, слушались беспрекословно.

Получив все необходимые указания, гвардейцы вернулись на свои посты, а мект повел аэрокар в сторону ворот большого и темного ангара.

Посадив машину у противоположной стены, где виднелся проход во внутренние помещения замка, Изма попросил нас на выход. Места в ангаре оказалось более чем предостаточно, чтобы разместить военный гарнизон, однако две трети пространства пустовало, а все остальное занимали личные

транспорты графа и его родни.

Не задерживаясь, Изма повел нас дальше, через пустые и такие же полутемные коридоры, все вверх и вверх. Пользуясь отсутствием посторонних, я решил как бы невзначай вернуться к начатой ранее теме.

– А давно ты работаешь на графа?

– Уже давненько, – кивнул Изма, отпирая электронным ключом одну дверь, пропуская нас вперед и запирая ее снова. – Мы познакомились, когда еще были совсем детьми. Мои родители тоже служили роду Занди. С тех пор прошло больше трех десятков лет, хотя я точно и не помню. Это был лучший человек, которого я когда-либо знал. Он был добр и щедр, никогда не задира л нос и не ставил себя выше других, лишь только потому, что он родился графом. Он и сейчас такой. Почти. – В голосе мекта сквозила гордость за своего хозяина.

– Ну, у него наверняка было много друзей, – вдруг заметил Аверре и получил в ответ очередную печальную улыбку.

– Все видели в нем только будущего правителя, но не замечали человека, – сказал Изма. – Даже его родители, когда были живы, всегда чего-то от него ждали, а он был просто ребенком. Он хотел заслужить их любовь и уважение, но не понимал, что для этого нужно. Наверное, граф был одинок, как никто. И мне кажется, будь на моем месте кто-нибудь другой, он все равно сблизился бы с ним. Я был тем, кто хотел его поддержать, а он был тем, кто хотел жить... – он за-

молк на секунду, – ... ну и мы начали искать приключения.

Тут я решил, будто ослышался.

– В смысле?

Изма подтвердил:

– Ага. Часто убегали в лес без разрешения. Правда не очень далеко, иначе можно было и вовсе не вернуться.

– Вы оба, видимо, были отчаянные храбрецы, – сказал Аверре, минуя вслед за нами узкую винтовую лестницу.

– Вот уж нет, – хохотнул Изма. – На самом-то деле, я боялся леса как огня, но привычка постоянно следовать за графом, куда бы он ни шел, всегда побеждала.

Лестница вывела к новой запертой двери.

– Я проведу вас в покои графа потайным путем, – сказал мект, опять доставая ключ. – Чем меньше народу в замке будет знать о вашем визите, тем лучше. Вы же понимаете, мастер, что тема вашего разговора слишком... необычна. А здесь, даже у стен есть уши. Очень длинные и очень чуткие, заросшие мхом от старости.

В ответ на мой вопросительный взгляд Изма пояснил:

– Дело в том, что здесь живут две престарелые матроны. Они приходится его светлости двоюродными тетками по линии матери и считают себя вправе совать свой нос везде, куда только можно. Эти две катраны¹⁰ сразу поймут, что вы не простые посетители, у них на такие вещи просто нюх.

¹⁰ Катрана – вид хищных рыб, обитавших в океанических глубинах Риомма. В свое время название стало нарицательным.

– Я уже имел счастье быть им представленным, – усмехнулся в усы Аверре. – Очаровательные дамы, но чересчур любопытны, в этом ты прав, Изма.

Мы все плутали по тайным и слабо освещенным переходам из коридора в коридор, от лестницы к лестнице. Изма шагал вперед уверенно, открывая и закрывая за собой все новые двери.

– Это, наверное, самый долгий потайной путь, который только можно придумать, – бормотал я, следуя за ним по пятам. – Далеко еще?

– Нет, – отозвался Изма. – Осталось только подняться наверх. Сейчас будет лифт.

– И часто вы совершали свои вылазки в лес? – спросил Аверре, решив вдруг вернуть разговор к изначальной теме.

Мне показалось, будто Изма сомневался дольше, чем было положено, и потому заставил его волю смягчиться еще чуть-чуть.

– Чаще, чем хотелось бы, – ответил он наконец. – Чего только мы там не повидали: зверей, о существовании которых даже не подозревали, и, по-моему, лучше бы и дальше не знали. Однажды забрели слишком далеко от города, но не заметили этого, пока на нас чуть не набросился дикий нут. Едва спаслись бегством. Меня это быстро отрезвило, и шагать по зарослям я больше не горел желанием. Как мог, я пытался уговорить хозяина вернуться домой, но проще было переубедить камень. Он просто помешался на этих... махди.

Последнее слово заставило меня насторожиться. В голове всплыла справка о Бойджии из инфосети.

Изма понял мое замешательство по-своему, пояснив:

– Да, это племя дикарей, обитающих в наших лесах, далеко за городом. Никто точно не знает, где именно они селятся. Может быть, кочуют по всей планете, незаметные под плотным покровом паатов – лично мне все равно. В Мероэ знают, насколько опасно соваться к ним, а они, к счастью, никогда не лезут к нам. На том и живем.

Я спросил:

– Неужели никто не пытался их исследовать? Ведь это малоизвестная раса разумных существ, живущая у вас под носом. Сколько тайн скрывает от вас их лес!

– Махди не больно-то рады общению с чужаками. – Может, мне и показалось, но Изму будто передернуло. – Это очень странные и опасные существа. Они не интересуются ничем, что происходит за пределами их территории. Вроде бы, до этого немало было исследователей, отправившихся в их края, но я не слышал, чтобы кто-нибудь возвращался назад.

– То есть их убили?

Мект пожал плечами:

– Понятия не имею. Кто бы проверял?

– Понятно, – выдохнул я, в который раз стреляя взглядом по невозмутимому Аверре. – Так вы нашли их?.. Махди?

Изма отрицательно помотал головой:

– Я отказался идти дальше. Правда, я надеялся, что и хозяин вернется со мною, но я ошибался.

– Он что, пошел туда один?

– Да, – печально отозвался Изма. – И я до сих пор жалею, что струсил, и не пошел с ним вместе.

– Там что-то случилось?

Изма уже никуда нас не вел. Он стоял и смотрел в темноту, словно вглубь тех далеких лет, когда случилось то, о чем он так сильно теперь жалел.

– Случилось, – пробормотал он. – Граф вернулся только три дня спустя. К тому времени в замке все с ума сходили. С меня чуть чешую не спустили за то, что пришел без него. Уже собирались снарядить поисковый отряд, но тут он вернулся сам, живой и совершенно невредимый. Ни царапины на нем не было. Я до сих пор не понимаю, как это случилось. Он выглядел абсолютно здоровым, и только во взгляде было что-то странное. Никто этого не замечал, кроме меня, пока не начались... эти вещи.

– Какие вещи? – попросил уточнить я.

– С момента возвращения, ему постоянно снились кошмары. Причем видения посещали его не только по ночам, но и когда он бодрствовал. Риоммский доктор сказал, что это шок и временное расстройство, связанное с очень долгим пребыванием в лесу. О том, что произошло, хозяин упорно не хотел говорить. Даже мне. Его на время изолировали от всех и следующие две недели мы не виделись вовсе. А когда

встретились, я подумал, что нашей дружбе пришел конец. Но он заговорил со мной как ни в чем не бывало и казался таким же беззаботным, как и раньше. Я был рад, очень рад и сразу не понял, как изменилось его поведение. Когда до меня дошло, поделаться что-либо было уже поздно.

Изма активировал двери лифта ключом. Мы зашли внутрь, молча ожидая продолжения рассказа. Едва кабинка тронулась вверх, оно последовало:

– Он стал мрачнее, молчаливее, еще больше сторонился окружающих. По всему это был уже не тот Кхамейр Занди, которого я знал раньше. И еще... из леса он вернулся не с пустыми руками...

– А ты не пытался расспросить его светлость о том, что с ним случилось? Что он оттуда принес? Что-то необычное?

– Я, честно, не знаю и не уверен, что хочу об этом знать. Мы никогда не вспоминали тот случай и оба старались его забыть.

– Интересно, могли эти махди на него так повлиять?

– Я не знаю. В любом случае, надо было беспокоиться об этом раньше.

– С тех пор прошло немало времени, – заметил Аверре. – Болезнь, если таковая вообще имеет место быть, не сильно прогрессирует.

– У него случаются приступы, – ответил Изма. – Правда, редко. Иногда на него находит... меланхолия, что ли, какая-то и тогда к нему лучше не подходить.

Глава 7

Иглы и семена

Ступая по толстому ковру кроваво-алого цвета чуть позади Аверре, я искал глазами графа. История, рассказанная безгранично преданным слугой, породила желание поскорее увидеть человека, которым так восхищался Изма и за которого, бесспорно, мог отдать жизнь. Если все, что говорят и пишут о лесах Боиджии, правда, тот, чьей храбрости хватило, чтобы в одиночку отправиться в самую глушь, и вернуться оттуда живым без единой царапины, вполне заслуживал уважения. Занди нигде не было видно и это дало мне хорошую возможность осмотреться в его апартаментах, прочувствовать обстановку и лучше понять хозяина. Личные вещи многое могут рассказать о своем владельце, особенно если знаешь, какие вопросы им задавать.

Тишина, одиночество и покой – вот что нарисовало моё воображение, стоило прикоснуться мыслью к стенам. Они оставались холодны, словно никогда не становились свидетелями проявления ярких, сильных эмоций. Как будто здесь обитал робот или кто-то едва ли более эмоциональный, хотя весь внешний лоск просторных комнат буквально кричал об обратном.

Судя по веранде, можно было подумать, что граф – крайне изнеженное, любящее комфорт существо, с весьма изысканным и, пожалуй, тонким вкусом. Мягкие диваны и удобные кресла занимали практически весь периметр. Всевозможные изделия из керамики и дорогие статуэтки теснились между ними, как и множество ваз и живых растений в керамических горшках. На алых стенах – картины: большие и поменьше. Причем многие, насколько я мог судить, были подлинными произведениями искусства. Как, например, старинное творение иланианского живописца Ватина, известного тем, что создавал свои пейзажи, в буквальном смысле, выращивая их на пропитанном особым составом полотне.

Пройдя еще немного вперед, я понял, что находиться здесь дольше не хочется. И дело было даже не в роскоши, так бросавшейся в глаза и к которой я не привык. Проблема заключалась в негативе, который Бойджия навязывала с тех пор, как мы приземлились. Только наглухо запечатав свое сознание, я мог безболезненно любоваться красотами Мероэ, открывшимися с этой, новой высоты, приблизиться к самому ограждению, облокотиться на его стальные перила и вдыхать чистый, благоухающий цветами воздух.

– Отсюда поневоле почувствуешь себя царем. Город как на ладони, – невольно произнес я. – От такого вида не устанешь.

– Поэтому я и провожу здесь почти все свое время, – слышался ответ.

Чуть вздрогнув, я быстро обернулся и увидел облаченного в простые, почти домотканые, серые одежды высоко-го стройного мужчину лет сорока или около того с вьющи-мися темными волосами, чуть-чуть не достающими до плеч. По тому, с какой невозмутимой простоватостью смотрели на меня его яркие синие глаза, я сразу понял, что передо мной сам граф.

Только я открыл рот, собираясь представиться, Занди по-вернулся к Изме, спросив:

– Вас кто-нибудь видел?

Присутствие ли хозяина так повлияло или закончилось действие пыльцы, но поведение мекта вдруг коренным об-разом переменялось. Во всем, что он говорил и делал, ста-ла проявляться какая-то совершенно неприглядная подобо-страстность.

Ссутулившись, Изма выступил на полшажка вперед и от-весил поклон:

– Только стража в ангаре, ваша светлость, больше никто. Как вы и велели, я провел мастера Аверре через восточный коридор.

Граф кивнул, снова повернулся ко мне лицом и на этот раз одарил куда более внимательным взглядом. Я невольно подумал, что теперь понимаю, какого бывает объектам вни-мания элийров. Радовало, что сам граф навыками проникать в чужое сознание не обладал, что стало заметно, стоило мне пощупать его ментально. Разум Занди был открыт настежь

и враждебным ничуть не казался.

Вдруг, потеряв ко мне всякий интерес, его светлость опять обратился к слуге:

– Спасибо, Изма. Пока можешь быть свободен, но не отходи далеко.

Быстро поклонившись хозяину, мект бесшумно исчез за абсолютно незаметной с этой стороны дверкой, из которой мы все только что явились.

Только когда остались одни, Аверре выступил вперед и, наконец, соизволил поприветствовать графа:

– Ваша светлость, – сказал он, немного склонив голову. – Благодарю, что согласились уделить немного времени. Понимая вашу крайнюю занятость, смею заверить, у меня нет намерений, задерживать вас надолго.

Занди воспринял витиеватые излияния моего наставника как должное, с едва проявившейся на лице улыбкой.

– Не стоит, мастер. Для друзей, тем более, столь давних, у меня всегда найдется время. Располагайтесь, прошу. – Он указал рукой, унизированной драгоценными перстнями, на группку ближайших кресел, стоявших полукругом рядом со столиком чистого хрусталя. – Выпьете чего-нибудь?

– Благодарю вас, с удовольствием, – улыбнулся Аверре. – Лучшего агариса¹¹, чем меройский, я никогда не пробовал.

Пока граф отлучился к мини-бару, спрятанному в стене за

¹¹ Агарис – разновидность крепленого вина, получаемого из ягод растения апуи, завезенного на Бойджию из системы Глиссео.

шторой, я отошел от края балкона и устался на наставника в немом вопросе: как давно они были знакомы и насколько близко? Аверре, разумеется, меня проигнорировал, так что пришлось усесться на указанное его светлостью место и подождать.

– Отчего вы не прикажете прислуге приготовить напитки? – как-то внезапно поинтересовался Аверре

Занди повернул голову в бок:

– У меня редко бывают гости. Да и потом, я предпочитаю ухаживать за ними самостоятельно. Не все на свете можно доверять слугам, знаете ли. Изма, конечно же, исключение. А вы, молодой человек, что будете пить? – Это была первая фраза, с которой его светлость обратился ко мне.

Слегка растерявшись, я ответил:

– Просто воды. Спасибо.

Граф никак не прокомментировал этот выбор и спустя пару минут возвратился с подносом в руках, на котором в большом графине плескалась густая темно-сиреневая жидкость и тихонько позвякивали три бокала. Один из бокалов был наполнен водой и мелко наколотыми кусочками льда, в двух других – вино.

– Прошу вас, – проговорил Занди, опустив поднос на столик.

Аверре первым протянул руку за напитком и, поднеся бокал к губам, сделал щедрый глоток. Довольно причмокнув, он блаженно закатил глаза.

– Великолепный агарис. Просто великолепный!

– Рад, что вам нравится, – отозвался граф, присаживаясь напротив и тоже пригубив вина. – А вот ваш спутник остановил свой выбор на воде. Интересно, почему?

– Сказалось воспитание на закрытой планете, – отмахнулся Аверре. – К тому же, он, как я знаю, не поклонник инопланетных напитков. Ох уж эта мне нынешняя молодежь! Ко всему относятся с подозрением.

– Понимаю, – произнес Занди с оттенком одобрения в голосе. – Вы, может быть, и правы, юноша, – иногда лучше всего следить за тем, что пьешь и ешь, особенно если ты находишься в незнакомой тебе среде. Впрочем, не стоит забывать, что иногда такое поведение может быть воспринято предвзято.

В этот момент я как раз потянулся за водой, но услышав его слова, нерешительно замер, что вызвало усмешку наставника. Пришлось выдавить из себя извиняющуюся улыбку, а мысленно пообещать припомнить это Аверре при первом же удобном случае.

– Кстати, как ваше имя?

Наставник оживился, не дав мне рта раскрыть.

– Ах, простите, ваша светлость, за эту оплошность. Позвольте представить вам моего новоиспеченного ученика и помощника Сета Эпине.

Взгляд Занди из просто любопытного превратился в цепкий.

– Эпине? – вскинув брови, переспросил он. – Это правда? Хм... То-то почудилось в его лице нечто знакомое.

Я не успел как следует удивиться, а Аверре отвечал ему совершенно будничным тоном:

– Да, это ее сын.

Было видно, как сильно ему хотелось, чтобы граф оставил эту тему в покое, но тот, будто ничего не замечая, продолжал открыто пялиться на меня.

– Но разве такое возможно? Я думал, лейры не способны иметь детей.

Чувствуя сильное неудобство, я поерзал в кресле, пока наставник с серьезным видом кивал:

– Все верно. Так и есть.

– Тогда что же?..

Но Аверре не дал ему договорить:

– Ах, на самом деле, это не столь существенный вопрос. Давайте оставим его на потом?

– Погодите, – наконец, сказал я. – Вы что, были знакомы с моей мамой?

Граф, кажется, не понимал, почему я задал этот вопрос, а Аверре с недовольным видом потянулся к своему бокалу.

– Твоя мама была удивительной женщиной, – сказал Занди. – Потрясающей лейрой, лучшей, да простит меня твой наставник, из тех, что я когда-либо встречал.

– И давно это было? – спросил я, мигом пожалев, что не попытался проникнуть в сознание графа глубже с самого на-

чала.

Но он, кажется, сообразил, что позволил себе сказать лишнего и потому вопрос просто проигнорировал, переменив тему:

– Кстати, Аверре, как давно вы были на Риомме? Ходят слухи, Сенат в очередной раз что-то затевает. Я, честно говоря, не любитель доверять всякой болтовне, но очень хочу знать, известно ли об этом что-нибудь вам?

Наставник с большой охотой подхватил новую тему, залепетав:

– Едва ли скажу что-то новое, ваша светлость. Уже почти год я не поддерживаю связь с Риоммом – исследования, сами понимаете, – так что свежими новостями не обладаю.

Я думал, у меня вот-вот мозг взорвется, но никто этого, кажется, не заметил.

– Однако же, – возразил Занди, игнорируя мой вопросительный взор. – Я не поверю, что вы не следите за тем, что происходит в столице. Слишком многое зависит от их решений, в том числе и судьба тех, к кому вы принадлежите.

Аверре встретил взгляд графа с каменным выражением лица и вселенским спокойствием.

– Лейры находятся вне политических течений и государственных структур, – сказал он. – Они не подчиняются никому, кроме Навигатора и своего кодекса. А я не подчиняюсь даже им.

– Я знаю, – кивнул Занди. – Но Риомм-то считает иначе.

– Риомм всегда считал иначе. Даже когда после Войны лейров, пытался признать нас вне закона.

– Вы и так вне закона, – хмыкнул граф. – Хотя, не понимаю, в чем был смысл этого, если официально вы все считаетесь давно вымершими.

– Ну, в этом нет ничего удивительного. Лейры основательно встряхнули Галактику и многие переживали, чем это аукнется в будущем. – Одна бровь наставника вопросительно изогнулась: – В итоге, разве они оказались неправы?

Занди отвел взгляд.

– Все относительно. Вы оставили Адис Лейр, а ваша сестра не оставила попыток найти и уничтожить их. Или я чего-то не знаю?

– Не оставила, – подтвердил Аверре. – Рисса слишком упряма, чтобы понять бесплодность всех ее попыток выкорчевать лейров.

О том, что у наставника есть сестра, я тоже не подозревал, но это только укрепило меня в желании узнать о его прошлом еще больше.

– Тяжело вам вести борьбу с собственной сестрой? – поинтересовался граф.

Взгляд Аверре сделался немного печальным.

– Надеюсь, мне будет позволено не отвечать на этот вопрос.

– Понимаю. – Мимолетная улыбка скользнула по холеному лицу боиджийского правителя. – Говорят, Сенат рефор-

мировал один из секретных отделов Тайной Канцелярии?

– Да, я читал в новостях, что Сенат одобрил проект Риссы и утвердил указ о преобразовании Департамента внешних исследований в нечто автономное.

– То есть, это правда?

– Думаю, да, – кивнул Аверре. – Правда. Теперь Департамент находится под контролем лица, подотчетного только моей драгоценной сестре.

Со структурой властных организаций самого могущественного режима Галактики я был знаком не столь хорошо, чтобы различать суть деятельности их многочисленных подразделений, но даже мне было известно об этом самом неутомимом сборище охотников на лейров. Даже Тетисс себе никогда подобного не позволяли.

– Суть их деятельности в изучении некоторых космологических течений, – добавил наставник.

Выражение лица графа сделалось еще более серьезным:

– Мне казалось, это скорей по вашей части. Разве нет?

– Для лейров эти течения – смысл жизни, ключ к силе и основная уязвимая точка. Для Сената – величина, недоступная пониманию. Постигая материю на самом тонком ее уровне, мы умеем колебать, так называемые, Тени, создавая резонанс в пространстве, изменяющий его по нашему желанию. Это великое могущество, но за него мы платим свою цену. Огромную цену. Сенат этого не понимает. Раньше они просто стремились нас уничтожить. Теперь же их цели изме-

нились. Теперь они сами хотят стать нашим подобием, для чего и изобретают все новые и новые способы этого достичь.

Занди на секунду задумался, а Аверре, воспользовавшись заминкой, залпом осушил бокал и отставил его.

– Налить еще?

Аверре заулыбался:

– Если вас не затруднит.

Граф поднял графин и щедро плеснул в бокал агариса, одновременно высказав предположение:

– Не потому ли Риомм прислал мне официальный запрос принять их представителя в Мероэ?

Наставник, едва подняв бокал, замер:

– Как давно это было?

– За день до вашего прилета, – отозвался граф. – Собственно, представитель уже здесь. Причину мне объяснять никто не хотел, но просьбу они высказали весьма настойчиво. Сами понимаете, мастер, отказать я не мог.

– Вы вовсе не должны объясняться, граф, – проговорил Аверре, почесав бороду.

– Конечно, – улыбнулся Занди. – Но, скажите, не может ли это быть как-то связано с вашим визитом ко мне?

– Я бы и сам хотел знать. Что объяснил вам этот их представитель?

– В том-то и дело, что ничего. Иначе я не стал бы засыпать вас вопросами. Зачем вы здесь?

Аверре одарил его застенчивой улыбкой:

– Я думаю, вы и сами уже догадались.

– Вас все еще интересует Игла Дживана? Хм.

– Сет, – вдруг проговорил наставник, – будь добр, покажи его светлости то, что ты обнаружил сегодня на втором этаже холла.

Едва не выронив всё ещё полный бокал, я удивленно уставился на Аверре, забыв о том, что хотел засыпать его вопросами на совсем иную тему. И все-таки, откуда он знал, что, обшарив верхнюю галерею холла, я кое-что там нашел? Быстро запустив руку в нагрудный карман, я извлек оттуда скомканный платок и осторожно положил его на краешек стола, развернув так, чтобы все могли видеть содержимое.

– Хочешь узнать, что это? – перейдя на «ты», поинтересовался у меня граф и сходу выдал: – Это очищенное семечко растения минн. Оно произрастает только в экваториальном поясе на самых нижних уровнях паатовых лесов, именно там, где обитают махди. Это...

– Я знаю, кто они, – быстро сказал я, ухватившись за мысль о связи между этой иглой и аборигенами. – Но как эти махди и минн могут быть связаны?

Ответом меня, неожиданно, удостоил Аверре:

– О, это весьма интересно. Они симбионты. Минн – это очень и очень необычное растение. Оно дает махди все, что им нужно, в то время как сами аборигены способствуют его дальнейшему процветанию в лесном массиве. Без махди, растение бы погибло, ровно, как и сами махди давно исчез-

ли бы, не будь рядом с ними этого минна. Это, конечно, в общих чертах. На самом деле их связь гораздо сложнее, чем кто-либо может объяснить.

И тут Занди вдруг вставил:

– По-настоящему глубоко эту загадку изучила только Сол.

– Мама?.. – Я перевел взгляд с Аверре на него и обратно.

Тот, казалось, не был особенно доволен.

– Ты же знаешь, она была лучшей в своей области, – процедил наставник.

– Она занималась генетикой, – напомнил я.

– Ксенобиологией, – поправил Аверре. – А это подразумевает изучение видов и влияние на них окружающего мира.

В данном случае – минна.

– Почему вы раньше мне об этом не говорили?

– И впредь не намерен, – отрезал он. – Не забывай, по какой причине ты здесь .

В который раз мне пришлось погасить рвущееся наружу возражение. Чтобы там Аверре ни говорил, а от меня не ускользнул факт, что, чем дольше мы здесь находились, тем больше новостей о маме я узнавал. За все десять лет с того дня, как она пропала, такого еще не случалось. На меня накатила уверенность, что стоит поглубже копнуть, и мне откроется еще масса неизвестного!

Занди, молча наблюдавший за нами из-под бровей, неторопливо попивал вино. К чему в тот момент склонялись мысли графа, мне было неведомо, но, глядя на него, я пони-

мал, насколько преувеличивал Изма, называя своего хозяина психически нездоровым.

– Твоя мама, Сет, – сказал он, не обращая внимания на Аверре, – предположила и доказала, что своими плодотворными отношениями с минном махди обязаны тысячелетней эволюции. Ты, может, и не знаешь, но жизнь на Бойджии вне городских стен смертельно опасна, а природа безжалостна. Однако она же снабдила своих обитателей всем необходимым для того, чтобы выживать, а именно – подарила способность перерабатывать минн. Это растение дает махди все, что нужно: кров, пищу, даже оружие. Для всех прочих видов, в том числе и животных, соцветия этого растения смертельно ядовиты. Человек, попробовавший хоть каплю его сока, умирает долго и в муках. Махди же спокойно добавляют минн в еду. Благодаря токсину они и приобрели свои необычные способности. Но я не о скорости реакции и прочей ерунде того же рода. Физического совершенства они добиваются упорными тренировками, а минн... ну, он дает им нечто иное. – Он замолчал и лишь когда я вопросительно приподнял бровь, добавил: – Вот тут мог бы и сам догадаться.

Приплюсовав одно к другому, я ошарашено ответил:

– Они становятся неосязаемыми для лейров!

– И в ментальном плане тоже, – добавил Аверре.

– Как так? – Больше всего остального странного и необычного, что я услышал в тот момент, меня поразило заявление

о моем бессилии хоть как-то повлиять на них. Многое я мог ожидать от этой странной планетки, но только не такого. Насколько труднодоступной была власть элийров, настолько же неотразимой она мне всегда казалась. Но, с другой стороны, это все многое объясняло: – Стало быть, это они напали на меня.

– Логически вытекает, что так, – ответил граф, улыбаясь. – В сущности же, совсем не обязательно. Я хочу, чтобы ты описал нападение.

На секунду призадумавшись, я рассказал все, что мог вспомнить о том вечере. Не забыл упомянуть робота и горевшие синевой глаза, но подробности, все равно, вываливались из контекста – падение с балкона выбило большинство деталей из головы напрочь.

– Все произошло слишком быстро. Я даже не почувствовал, что в тот момент на балконе кто-то был. И ничего не успел сделать, когда на меня набросились.

– Махди невероятно проворны и совершенно бесшумны, – сказал граф. – У них иное представление о морали, что делает этот народ крайне опасным, но еще ни разу не случилось, чтобы они напали на чужаков вот так, без видимой причины. Как правило, они чураются посторонних и в город не суются, так что для этого нужна по-настоящему веская причина. А таковой, как мне кажется, у вас нет.

– Вы же сами только что сказали об иных нормах поведения.

– Это имеет значение, только когда вторгаются на их территорию, – возразил Занди. – Махди крайне дисциплинированы и нарушают свои правила лишь в самых экстренных случаях.

В ответ на это мне очень хотелось усомниться, что граф вообще встречался хоть с одним аборигеном, но я сдержался и спросил другое:

– А что насчет глаз?

– Светящиеся в темноте? – улыбнулся он, будто я был ребенком, рассказавшим старшему, что видел у себя в спальне привидение. – У всех махди глаза черные и я ни разу не замечал, чтобы они светились в темноте. Сет, поверь, если бы они задумали тебя убить, тебя бы убили.

– Спасибо большое, – удержаться от сарказма было трудно. – Откуда тогда взялся этот шип?

– Семечко, – поправил меня Занди.

– Допустим, – тряхнул головой я. – Кто, если не махди мог его оставить?

– Без понятия, – пожал плечами граф. – Но мы, кажется, уклонились от первоначальной темы, разве нет?

– Да-да, – подтвердил Аверре, заново подставляя бокал под вино.

Я едва сдержался, чтобы не закатить глаза – опять эта Игла Дживана! На убежденность Аверре в ее существовании я еще мог закрыть глаза – ради того, чтоб улететь с Яртеллы стерпел бы и не это, – но понять, что граф его поддерживает,

было выше моих сил. Я уже представлял, как они вспоминают старые сказки, которые рассказывали юному графу перед сном его няньки и, устроившись в кресле поудобней, приготовился подремать...

– Не нужно быть лейром, чтобы учуять твой скептицизм, Сет, – проговорил Аверре. – Я еще могу закрыть на это глаза, в силу твоей малообразованности, а вот его светлость может обидеться. Будь любезен – посерьёзней.

Естественно, я сразу весь обратился во внимание.

– Прошу прощения.

– Ничего страшного, – улыбнулся Занди. – Вполне тебя понимаю. И я сперва не поверил во всю эту... но в итоге и меня история Иглы захватила. Правда, не столь сильно, как твоего наставника...

– Хорошо, – согласился я для вида. – Тогда сначала объясните, откуда она взялась и что вообще из себя представляет?

– Легенду ты уже слышал, – напомнил Аверре.

– Но легенда меня не интересует. Мне интересно знать факты, – и посмотрел на Занди, – если у вас они есть.

– Признаться, даже я не смогу ответить, что собой представляет собой эта Игла. Хотя на планете и есть те, кто мог бы об этом поведать достаточно подробно. Я же могу пересказать лишь историю, ту, что передается в нашем роду от отца к сыну. Мастеру Аверре она уже известна. Но, видимо, затем он и привел тебя ко мне, чтобы ты услышал ее из первых уст.

Что ж, признаюсь, звучало многообещающе, и мой интерес ко всему этому делу стал мало-помалу просыпаться.

– Расскажите, – попросил я. – Пожалуйста.

Занди оставил бокал и заговорил:

– Ты мог бы перевернуть инфосеть целиком, но не узнать и сотой доли того, что происходило в Галактике полторы тысячи лет назад на самом деле. Множество источников приводят какие-то материалы, документы, свидетельства, но, ни один из них не даст тебе полного ответа – все только догадки и предположения. Как раз из-за того, что существование Иглы считается вымыслом ради самой легенды, с научной точки зрения ее никто не рассматривает. Все историки до единого приводили и до сих пор приводят какие-то логические выкладки о том, почему на самом деле одержал победу мой предок. Ты не представляешь, сколько бесполезной макулатуры я перебрал, пытаясь выяснить научную подоплеку его победы! Никто не дал внятного объяснения, почему вдруг погибло столько лейров.

– Это могло быть оружие массового поражения, – заметил я и, прежде чем он успел возразить, добавил: – Действующее только на лейров.

– Например? – хмыкнул в бокал Аверре.

Для меня все казалось таким логически простым и обоснованным, что я невольно удивился, как они, разумники с таким умом могли этого не заметить?

– Да мало ли на свете возможностей убить нас! Может, кто

отыскал какое химическое соединение или еще что. Минн же дает возможность махди противостоять нашей силе. Что если, генерал нашел ученого, способного произвести из этого растения какое-нибудь вещество и применил его на лейрах. Вот вам и вся разгадка.

Аверре и Занди переглянулись.

– Хорошо, – кивнул наставник. – Ты не первый, кто выдвинул такую теорию. За те полторы тысячи лет минн исследовали не единожды, но никому так и не удалось воспроизвести из его соединений нечто подобное. Минн защищает от лейров, а не уничтожает их. Вспомни, по легенде Игла обратила против лейров их же Тени.

Все это звучало несколько запутано, и я кивнул, но лишь затем, чтобы граф продолжил рассказ.

– Экспедиций, отправленных к нам с Риомма, было немало. Империя посылала все новых и новых эмиссаров, поручая им убедить графа отдать Иглу. Угрожали, подкупали. Что только не делали. Но суть в том, что после войны, Иглы у графа не оказалось.

– Как так?

– Мой предок хорошо понимал, что за вещь была у него на руках, как понимал и опасность, которую она в себе несет. Что бы о нем ни говорили другие, честолюбивым настолько, чтобы захотеть властвовать над всей Галактикой, он не был и потому Иглу спрятал в надежнейшее место, какое смог придумать.

– У махди? – тут же предположил я.

– Логично, не правда ли? – усмехнулся граф. – Может, и у них. Вот только кто бы с тех пор ни отправился к ним, назад он уже не возвращался. Именно эта бесплодность всех попыток и вылилась во вполне благоприятную для нас идею о том, что никакой Иглы Дживана не было вовсе.

– Погодите-погодите, – пришлось мне его остановить. – Я что-то совсем запутался. А как генерал Иглу нашел? Вы мне это расскажите.

– С удовольствием, – согласился Занди. – Незадолго до решающей битвы за Шуот, силам лейров удалось оттеснить войска Империи к неисследованным доселе окраинам. Думаю, не надо объяснять, как опасны путешествия без точных карт и навигационных данных? Много кораблей риоммского флота погибло, а вот моему предку сопутствовала удача. Совершенно случайно он со своей командой совершил экстренную посадку в лесах Бойджии и первым встретился с махди.

– И почему они его не убили?

– Возможно, в те времена аборигены были не так враждебны к пришельцам, как сейчас. Тут я многого, если честно, и сам не знаю, но точно известно, что генерал провел в глуши Бойджии почти полгода. За этот срок он выучил махдийский и настолько глубоко проникся их культурой, насколько это может сделать пришелец-разумник. Заранее предвосхищу твой вероятный вопрос: питался он отдельно, без минна.

Я слегка улыбнулся, но перебивать не стал.

– Махди очень глубоко посвятили его в свой культ поклонения Небесным Богам. Они открыли ему доступ в Святилище, где продемонстрировали самую главную из своих реликвий.

– Иглу? – не выдержал я. – Но как смог он понять, на что она способна?

– Сет, помолчи! – шикнул Аверре.

Я притих.

– Генерал понял, что невежественные на первый взгляд аборигены слишком много знают о жизни среди звезд. Не могу сказать, упоминали ли они лейров, но о своих, так называемых, богах кое-что поведали. Эти небесные создания, пришедшие к ним еще на заре времен, приказали махди хранить Иглу до тех пор, пока не появится тот, кто окажется достаточно сведущ, чтобы суметь ею воспользоваться. Понимаю, звучит банально, но так оно, как правило, и случается. Махди было предсказано появление моего предка, и они с радостью отдали ему свою реликвию. Он улетел и, как ты знаешь, положил конец бесконечному и кровопролитному противостоянию простых жителей Галактики и лейров.

Может, кому-то покажется странным, но после этих слов у меня уже не было желания ехидничать и спорить. Не могу сказать, что тут же уверовал в существование жуткого артефакта, однако спеси значительно поубавилось. За годы, проведенные в Цитадели, я научился воспринимать историю

лейров как нечто, меня не сильно касающееся. Другие могли сколько угодно рассуждать о «наших собратях, погибших благодаря козням никчемных простолюдинов», я же относился к этому философски. Но сейчас неожиданно испытал горечь поражения, навеянную голосом Занди.

Я перевел взгляд на Аверре, но тот, как и подобает истинному мастеру, выглядел абсолютно невозмутимым, хотя и немного раскраснелся от выпитого вина.

– Но вы так и не объяснили, что такое эта Игла? Как, а главное, почему она так действует на лейров? Было ли это действительно нечто божественное, или очень высокотехнологичный артефакт, которым Занди Первый научился владеть в совершенстве?

– Ты, дружок, забегаешь вперед, – хохотнул наставник. – Это-то нам и предстоит узнать.

– Все равно это больше смахивает на сказку.

Весело стрельнув глазами в сторону улыбающегося графа, Аверре сказал:

– Тем лучше, что ты так считаешь – немного здравого скептицизма мне не повредит. К тому же, твоя голова не будет забита иллюзиями, а это лучше скажется на работе.

– Какой именно работе?

– Узнаешь со временем. Не спеши.

Тем временем, Занди поинтересовался:

– Это все, что вы хотели от меня узнать, мастер?

И раньше, чем Аверре успел что-то ответить, я выпалил:

– Почему на Бойджи так ненавидят лейров? Я знаю, что в других мирах нас недолюбливают, и оно понятно, но о неприкрытой ненависти никогда прежде не слышал.

Прежде чем дать ответ, граф некоторое время подумал. Потом заговорил:

– Это не ненависть. Это страх.

– Страх? Лейров все считают вымершими. Чего же ваши люди боятся?

Занди лукаво улыбнулся:

– Того же, что пугает тебя в махди.

– Но они меня не пугают, – как можно небрежней отозвался я. – С чего вы это взяли?

– Потому что это нормально бояться неизвестности. Ты не знаешь, кто они и что собой представляют и это внушает тебе страх. Как, скажем, внушает нам всем страх смерть и темнота. Это все потому, что мы не знаем, что за этим скрывается. Так и с лейрами. Та давняя война наложила свой отпечаток на моего далекого предка и тех, кто последовал за ним, чтобы основать здесь колонию. Предубеждение против существ, наделенных не поддающимися простому объяснению способностями, переродилось в культ ненависти. Но, пожалуй, это единственное объяснение, которое у меня есть.

– Спасибо, – ответил я и встал, так как, по моему мнению, аудиенция была окончена.

Однако Аверре, похоже, уходить не спешил.

– Сет, будь так добр, подожди меня снаружи, – сказал

он. – Проветришь немного, можешь пообщаться с Измой. Мне необходимо сказать его светлости пару слов с глазу на глаз.

Вот это было худшее на сегодняшний день, что наставник мог для меня придумать – оказаться выставленным за двери в самый интересный момент. Однако возражать смысла не было.

Взяв со стола платок с минновым семечком и аккуратно убрав его обратно в карман, я попрощался с его светлостью и направился к двери. Но прежде, чем успел взяться за ручку, меня остановило замечание Занди, сказанное на прощание как бы между прочим:

– Ты очень похож на свою мать, Сет. Гораздо больше, чем сам об этом подозреваешь. Мне было приятно с тобою познакомиться.

Поклонившись, как того требовали приличия, я вышел.

Глава 8

Комната в памяти

...И чуть не столкнулся с Измой.

Тот едва успел отскочить от двери, встал у стены и принял невинный вид. Словно и не подслушивал нисколько. Актер из него, впрочем, был ужасный. Лгать мект не умел абсолютно, о чем семафорили чешуйки его лица, принявшие бледно-желтый оттенок, вместо нормального серо-зеленоватого. Изма шпионил, и в этом не было ничего удивительного. Особенно, для меня.

Как и подобает порядочному гостю, я сделал вид, будто ничего не заметил. Скупо улыбнулся графскому слуге и опустился на притаившийся возле лифта пуф. В мыслях царил кавардак. Слова Занди о том, насколько похожи мы с матерью неожиданно злили. Даже граф знал мою мать лучше, чем я!

Способность управлять собственными эмоциями – тонкое искусство, овладеть которым, как сказал лейр Селайссиэ, сложнее, чем в условиях вечной мерзлоты взрастить семечко. Сила любого лейра во многом зависит от умения подавлять свои внутренние порывы, к чему элийры всегда были особенно восприимчивы. Чем лучше ты контролируешь се-

бя, тем легче подчиняешь чужой разум. Все просто.

Но как же, порой, этого равновесия трудно достичь!

Всего лишь одной невинно брошенной фразы хватило, чтобы породить настоящий ураган!

Что граф мог знать о Сол? Что мог знать о ней Аверре?

Да что угодно!

Не в силах усидеть на месте, я резко вскочил с пуфа и принялся мерить комнату шагами. Этот внезапный порыв слегка перепугал бедного мекта, заставив того подпрыгнуть от неожиданности почти на полметра. Слишком возбужденный и занятый соображениями, носившимся в голове подобно шторму на поверхности газового гиганта Виши, я даже не взглянул в его сторону. Глаза, будто черной дырой, притягивало к закрытым дверям графских покоев.

О чем могли говорить эти двое, как не о Сол? Нежелание Аверре, чтоб я присутствовал, громче всяких слов указывало на это. Снова и снова я задавался вопросом, почему родному сыну постоянно отказывали в праве знать, что случилось? И в который раз не находил правдоподобного ответа. Это сводило с ума. Где-то на сотом кругу пришло осознание, что ждать милости бессмысленно и за дело надо браться лично.

Изма помалкивал. Я помнил об обещании, что дал себе вначале, однако слова словами, а решиться на подобный шаг оказалось совсем нелегко. Разом всплывает столько «но», которые, по сути, навевают лишь воображение. Ждать всегда

безопасней, чем действовать, но подачек Аверре хватило с избытком. Выставив меня за дверь, наставник лишний раз продемонстрировал свое отношение: он главный, а я на подхвате.

Ну, уж нет. Все, что можно выяснить о маме, я вполне способен узнать сам.

Не могла Сол Эпине прилететь в Мероэ и не оставить после себя ни единого следа. Наверняка в Мероэ есть те, кто был с ней знаком, видел ее и разговаривал, кто мог бы поделиться воспоминаниями...

Но кто бы это мог быть?

Я замер на очередном витке. Взгляд упал на Изму.

Кто, как ни слуги осведомлены о делах, и тайных связях своих хозяев? Привычная всем деталь интерьера. На них редко обращают внимание, а аристократы всегда и во всем полагаются. Занди сам признался, что знал мою мать, а, учитывая его близкие отношения с Измой, легко предположить, что и тот встречался с ней тоже.

Под действием пыльцы, мект разболтал всю графскую подноготную, но будет ли он также словоохотлив теперь, когда действие наркотика закончилось?

Изма, заметив мой внезапный интерес, не то удивился, не то струсил. Я всегда считал, будто достаточно хорошо умею контролировать выражение своего лица, но мект словно догадался о моих намерениях – выпучил глаза и вжался в стену. В воздухе отчетливо запахло феромонами – бедолага ис-

пугался не на шутку.

М-да, с таким собеседником толком не поболтаешь.

Я улыбнулся. Мягко и успокаивающе, как казалось.

Вышло, видимо, не очень. Стоило только сделать шаг, Изма очень тихо заскулил. Стало понятно, влияние Занди на свою прислугу гораздо глубже, чем можно представлялось. Ну как такому хлюпику хватило смелости отправиться за хозяином в лес?

Я, стараясь не делать резких движений, спросил:

– Изма, с тобой все в порядке? – Вопрос подкрепил легким ментальным импульсом. Убеждение всегда следует начинать с малого. То, что сработало в прошлый раз, могло не прокатить в этот.

Немного поколебавшись, мект кивнул.

– Ясно, – с улыбкой сказал я, незаметно закрепляя влияние. – Просто, ты как-то странно выглядишь. Не заболел?

Пускай добиться улыбки от него так и не удалось, Изма немного расслабился и проговорил:

– Все в порядке.

– Ну и хорошо. – Сделав вид, что потерял всякий интерес, я приземлился обратно на пуфик. Я чувствовал пристальный взгляд мекта. Это навело на не совсем обычную мысль: а вдруг Занди нарочно оставил его здесь, чтобы наблюдать за мной?

Улыбнувшись странной идее, я решил огорошить его вопросом в лоб:

– Давно мастер Аверре и граф знакомы?

Мект захлопал чешуйчатыми веками.

– Не знаю точно. Лет десять, наверное. Может, чуть меньше.

Вот так совпадение! Ведь и мама покинула Цитадель примерно в то же время!

– А при каких обстоятельствах они познакомились, ты знаешь?

Изма некоторое время мялся, потом произнес:

– Ну, да, немного. Мастер Аверре впервые прилетел в Мероэ. Кажется, его интересовали какие-то исследования. Не знаю точно, но вроде бы это было как-то связано с аборигенами. Он добился встречи с хозяином и все пытался заручиться поддержкой. Хотел отправиться в лес. Не знаю почему, но вашего наставника очень интересовали махди.

– Батул сам об этом говорил?

– Как бы, да, – вяло кивнул мект, не замечая, как сотканые из Теней сети обвили его с ног до головы. – Я еще слышал его разговоры в таверне «Тибо», он там задавал всякие вопросы местным выпивалам. На Бойджии мало чужаков и все они, почему-то, любят собираться именно там, хотя хозяин забегаловки дерет втридорога.

– Скажи, ты как там оказался?

Изма замаялся, но выбраться из моих пут уже не мог.

– Хозяин иногда дает мне поручения... разные. Послушать кое-что, посмотреть за кем-то...

Стало еще интереснее. Выходит, граф следил за Аверре. И зачем, позвольте спросить?

Этот вопрос я и адресовал слуге.

– Понимаете, разговоры об аборигенах не всегда проходят для его светлости бесследно. После возвращения из... из леса, на него временами нападает хандра. Это как червь. Знаю, так этого не скажешь, но этот червь сидит у него в голове до сих пор. Много лет подряд хозяина тянуло туда, а появление мастера Аверре лишь усугубило это желание. Я должен был понаблюдать за вашим наставником, а потом доложить обо всем, что узнал.

– И что ты узнал?

– Не так уж и много. В основном всякие байки, да небылицы, которыми пичкают местные тех, кто готов развешивать уши. Ничего конкретного об аборигенах или еще о чем мастеру Аверре узнать не удалось. Я пересказал все графу, и он велел мне пригласить вашего наставника в замок еще раз.

– Зачем?

– Казалось, хозяин хотел чем-то поделиться с ним, – сказал Изма, проведя своим когтистым пальцем по переносице.

– Чем именно?

– Я не знаю. Раньше хозяин никогда не выставлял меня за дверь, но при каждой встрече с мастером Аверре, приказывал мне убираться.

– Странно, – протянул я, делая вид, что разделяю недоумение слуги, но на самом деле, волновался лишь об одном,

и не упустил первой же возможности все прояснить: – Скажи, а мастер Аверре приходил один?

Он удивленно уставился на меня.

– Иногда. Первый раз был один, а вот когда вернулся пару месяцев спустя, то уже вместе с дамой. Человеческой разумницей.

Кем была та женщина, я догадался еще до того, как он пояснил, но все равно, при упоминании имени мамы, сердце в груди болезненно сжалось.

– Госпожа Сол была помощницей мастера Аверре. По крайней мере, он сам так сказал.

– Правда? – я старался говорить ровно, чтобы не выдать собственного напряжения. – Но ты, разумеется, не знаешь, в чем заключалась ее помощь?

– Как же, знаю. Мадам была специалистом по... как это... ксенобиологии, чтобы это ни значило.

– Ксенобиологом называют того, кто изучает многообразие форм жизни в Галактике, – пояснил я.

– А-а, – понимающе протянул мект. – Значит, она прилетела, чтобы помочь ему изучать махди.

– Скажи, а как долго госпожа Сол и мастер Аверре были на Бойджии?

– Год, – не задумываясь, ответил Изма.

– Год?!

Он кивнул:

– Примерно. Я знаю потому, что хозяин на все время, что

они пробыли здесь, отдал меня госпоже Сол во служение. Ей был нужен посыльный. Роботами пользоваться небезопасно, и потому решили задействовать меня.

– Кто решил?

– Его светлостью, разумеется. Он был заинтересован в том, чтобы исследования мастера Аверре и госпожи Сол достигли успеха.

– Л-ладно, – выдавил я, разволновавшись не на шутку. – А в чем заключались твои обязанности?

– В основном доставлял всякие пакеты из замка для мадам, и наоборот. Странно, но мастер Аверре никогда не пользовался моей помощью. Он всегда любил все делать сам.

Что ж, он и теперь не больно-то изменился, но мои мысли уже неслись вперед.

– Что было в тех пакетах, ты, конечно же, не знаешь?

Я рассчитывал на любопытство слуги, способного везать свой нос, но тот упорно мотал головой, отрицая всякую вероятность, что ему что-нибудь известно.

– А может, все-таки, было что-то странное или необычное, что ты видел? Хоть что-нибудь? Нет?

Изма напоминал большого ребенка. Он стыдливо опустил голову и залился румянцем – вернее, побледнел, что для представителей его расы как раз означало крайнюю степень смущения.

– Однажды пакет выпал из рук и порвался, – проямлил он, теребя ткань своих штанов.

– Случается, – заверил его я. – Ты видел, что было в пакете?

– Мельком. Я сразу же его подобрал и поспешил к мадам.

– И что там было?

– Минн. Цветки этого проклятого растения.

Моя ладонь машинально коснулась нагрудного кармана. Вспоминая о свойствах растения, я понимал, что простым совпадением это быть не могло.

– Откуда они его взяли?

Я даже не подозревал, что столь простой вопрос вызовет такую бурную реакцию. Изма весь задрожал и отшатнулся, словно это я был тем, кто чуть не прикончил его драгоценного графа. Собственно, так я и догадался, каков окажется ответ, но пытаться беднягу дальше не стал. В любой момент мог появиться Аверре, а мне еще слишком много вопросов надо было задать.

– Но ты знаешь, что конкретно исследовала госпожа Сол?

– Нет, – ответил Изма и не лгал. – От меня всё держалось в тайне. Даже его светлость не считал нужным делиться со мной, хотя раньше я знал о его делах всё. А тут вдруг какие-то тайны. Я столько раз доказывал свою преданность, но мне все равно не доверяли.

– Думаю, это обидно.

– Еще бы! – неожиданно вскинулся Изма. – Я столько сил положил, чтобы помогать ему, а он... Но я бы никогда не послушался хозяина. Никогда!

– Никто в этом и не сомневается.

Изма заламывал руки, жался, будто боялся сболтнуть лишнего, из последних сил сопротивляясь давлению Теней, и приговаривал:

– Не надо было этого делать. Не надо было...

Изма поднял на меня взгляд. Его глаза были полны невысказанной вины.

– Я не хотел ничего дурного. Я, правда, не хотел. Мне просто было очень интересно...

Трудно подобрать слова, чтобы объяснить, что произошло затем. Внезапно в оболочке сознания мекта появился мелкий разрыв, маленькая трещинка. Заметить ее мне удалось благодаря чистому инстинкту. Будто хищник, учуявший кровь, мое тренированное годами сознание среагировало мгновенно. Я и сам не понял, как это получилось. Ментальные щупы, точно яд, попавший в ранку, просочились в мысли и воспоминания Измы. Не могу ничего сказать о его ощущениях, но сам я точно в бездонный омут провалился. Сознание мекта захватило меня. Перед глазами замельтешила вереница мысленных образов – такая быстрая, что разобрать детали было невозможно. Казалось, Изма думал обо всем и сразу. А потом все вдруг преобразилось.

Перед глазами рисовалась картина: чья-то невидимая кисть изящными мазками наносила на пустоту сцену из прошлого. Сначала появились каменные стены и пол, обозначились контуры мебели, из ниоткуда соткались цифровые

измерители, анализаторы и прочее явно лабораторное оборудование, назначения малопонятного. Это была небольшая почти не освещаемая комната, судя по оригинальной обстановке, в одном из зданий Мероэ. Зрительно картина воспринималась несколько абстрактно, словно пропущенная через световую призму, однако каждая, даже самая мелкая деталь выглядело четко прорисованной.

В глубине комнаты обозначилось движение.

Дернувшись слегка от неожиданности, я пригляделся, обнаружив совсем еще молодого хозяина воспоминания. Внешне Изма практически не изменился, разве что был худее оригинала, да и одежонка его отличалась видом. Он стоял в тени большого шкафа и то ли прятался от кого-то, то ли кого-то ждал. Меня он, понятное дело, не замечал.

Удостоверившись, что посторонних нет, подгоняемый любопытством, мект выбрался из своего укрытия, сосредоточив внимание на занимавшем большую часть комнаты массивном металлическом столе. Горы всевозможных научных приспособлений высились и тут, но кроме них было еще кое-что: накрытый куском плотной армированной ткани ряд огромных колб. Именно эти колбы и притягивали к себе внимание Измы.

Я разделял мысли мекта – выяснить, что же тут творилось, мне не терпелось самому. В душе подталкивая его к действию, я надеялся, что у слуги хватит смелости стянуть покрывало.

Слишком долго набираясь храбрости, Изма все-таки протянул трясущуюся руку и сбросил тряпку на пол. Мое уважение к бесхребетному прихвостню в эту секунду возросло до небес.

Но лишь до того мига, пока я не понял: что-то не так. Сначала взгляд упал на лицо оцепеневшего мекта, потом на предметы, вызвавшие такую реакцию. Громко выругавшись, я отступил на шаг.

Под покрывалом оказалось семь сосудов, в каждом из которых плавало нечто погруженное в мутно-зеленоватую жидкость. Не желая приглядываться, я догадался, что это были головы. Самые натуральные и отделенные от тел головы.

Слюна у меня во рту стала вязкой, будто разжеванный клочок бумаги.

Застывший изваянием Изма выглядел по-настоящему жалко – казалось, еще чуть-чуть и его стошнит прямо на стол.

Сглотнув мерзкий ком, я обошел трясущегося мекта и склонился над одной из колб.

Головы принадлежали существам незнакомой мне расы. Немного приплюснутый сверху череп, маленький нос с горбинкой и резко очерченные скулы, надбровные дуги сильно выступали вперед, а вместо нормальных волос длинные тонкие жгуты, похожие на косички. Глубоко посаженные глаза были закрыты плотными веками. Кожа имела бледно-лило-

вый оттенок, хотя при жизни, вероятно, обладала более ярким цветом... Например, синим.

Откуда взялись эти головы, думать я не хотел. От одной мысли, что моя мать могла заниматься вивисекцией ради тайных экспериментов, начинало воротить похуже, чем от зрелища. Заметно было, что головы от тел отрезали чем-то очень острым, с хирургической аккуратностью. Это исключало вероятность, что аборигены погибли в результате несчастного случая или битвы. Черепные коробки некоторых оказались вскрыты, мозг извлечён. С какой целью это было сделано, мне думать не хотелось. Почти уткнувшись носом в холодное стекло, я разглядел мелкие темно-красные цветочные лепестки, болтавшиеся на дне каждой из колб. Сообразить, что это минн труда не составило. Вперемешку с лепестками иногда попадались уже знакомые семена, а одна из голов была просто усыпана ими, точно спина риоммского морского ежа. Загадкой оставалось, что за чудовищные эксперименты здесь проводились, и какова была их цель?

Периферическим зрением я заметил, что Изму заколотило. Мект по-прежнему выглядел жутко и, судя по лицу, был уже не рад, что пошел на поводу у любопытства, однако бежать сломя голову не торопился. Более того, нашел в себе силы подойти поближе и склонить чешуйчатое лицо к одной из колб. Он что-то невнятно шептал себе под нос. Только прислушавшись, я понял смысл сказанного:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.